

Полина Дельвиг

Рыжая IV Тупиковое звено

Часть 2

Полина Дельвиг

Рыжая 4. Тупиковое звено. Часть 2

<https://litres.ru/71010463>

SelfPub; 2024

Аннотация

...И снова Рыжая! Кто не мечтает об огромном состоянии древнего рода баронов! Заманчивая перспектива! Но получить наследство может только потомок мужского пола. А найти наследника может только Даша Быстрова. И она отправляется на поиски. Но один за другим при загадочных обстоятельствах погибают претенденты на громадное состояние! Кто следующая жертва? Кто стоит за этими убийствами? И чем закончится этот кошмар? Раскрыть эти тайны предстоит Рыжей!..

Читайте новую, исправленную редакцию книги!

Полина Дельви́г

Рыжая 4. Тупиковое звено. Часть 2

Глава 23

1

Три дня от Полетаева не поступало никакой информации. Все это время Даша болела. Она лежала в кровати роскошного гостиничного номера, соединенного с номером француза общей дверью, под двумя пуховыми одеялами и с каменным лицом читала Ницше.

Теперь уже Филипп ухаживал за ней. Как мог, он старался быть терпимым, однако литературно-философский выбор напарницы его явно нервировал. Принося на подносе горячее молоко, накрытое кружевной салфеточкой, и мед в хрустальной розетке, он многозначительно поглядывал на обложку и даже порывался задать какой-то вопрос, но всякий раз его останавливала внутренняя деликатность и болезненное состояние подопечной.

На третий день, проверяя градусник, Филипп обнаружил, что температура упала до относительно безопасного уровня.

– Mon Dieu, но почему Ницше?!

Не поднимая глаз, Даша перевернула страницу.

– А что я должна читать в такой обстановке? Сказки матушки Гусыни?

– Но Ницше!

Молодая женщина опустила книгу:

– За неделю убили почти всех моих родственников, – голос был осипшим, но твердым. – Я имею право читать все, что сочту необходимым. Даже «Майн кампф».

Филипп грустно покивал головой.

– Остается надеяться, что мсье Полетаев скоро появится.

В ту же же секунду от двери послышался бодрый голос:

– Привет умирающим! Отчего такой больничный запах?

В дверном проеме сиял бодрый и загорелый подполковник.

– Серж, дорогой! – Филипп бросил поднос и устремился навстречу долгожданному гостю.

Они троекратно, с большим чувством расцеловались. По забыв, что тяжело больна, Даша приподнялась на локте.

– Что это вы сейчас делали? – недоверчиво поинтересовалась она.

– Здоровались. – мсье Кервель выглядел удивленным.

Полетаев все же был чуть смущенным.

– Да вы с ума сошли! – она скинула одеяло и попыталась встать с кровати. – Даже я при встрече с ним не целуюсь. Какая пошлость!

– Еще бы для вас это не было пошлостью! – Филипп всплеснул руками. – Женщина, читающая Ницше, вряд ли

захочет целоваться с мужчиной.

– Это правда? – Полетаев устремил взгляд на обложку книги, лежащей на прикроватном столике.

– Серж, друг мой, это невыносимо! – продолжал жаловаться Филипп. – За три дня мадемуазель Быстрова прочитала «Антихристианина», – он перекрестился, – «Что сказал Заратустра» и...

– За три дня? – В голосе подполковника прозвучало сомнение, – Тогда, mon cher Philippe, не переживайте – вряд ли Дарья Николаевна сумела усвоить материал за такой короткий срок. Да еще с больной головой. Ницше – автор хоть и спорный, но все же требует некоего умственного напряжения и времени на осмысление.

– Ха-ха-ха! – Даша состроила гримасу. – Я уже давным-давно все осмыслила. Еще в университете. Просто захотелось взглянуть на некоторые его воззрения под иным углом. В свете новых, так сказать, общественных изменений.

– Подумать только, на что ты тратила свою молодость, – подполковник присел в кресло и закинул ногу на ногу. – Стоит ли удивляться результату.

Даша надулась:

– Сам дурак!

Тот лишь добродушно рассмеялся:

– Разве Заратустра не говорил, что сквернословить некрасиво?

– Отстань. – Не обращая внимания на мужчин, Даша вста-

ла и завернулась в толстый стеганный халат, подарок заботливого напарника. – Смотрю, ты в хорошем настроении, да еще загореть успел. Надо понимать, что все три дня прошли с пользой?

– Безусловно. – Полетаев с достоинством кивнул. – Все три дня я работал. На работе.

– То есть?

– То есть выполнял свои прямые обязанности. И никто мне не мешал этим заниматься. Блаженство!

Даша помрачнела:

– Значит, ты ничего нового так и не узнал?

Подполковник сделал загадочное лицо:

– Узнал, не узнал... Какое это имеет значение? К моим рекомендациям ты все равно не прислушиваешься.

– «Рекомендациям»! – фыркнула молодая женщина. – Можно подумать, ты специалист по правильному питанию...

Ей страшно не нравилось его легкомысленное настроение. Это могло означать все что угодно: от обнаружения новых фактов до полного бездействия в течение трех суток.

– Так я и не навязываюсь. – Полетаев потер ладони. – Чем сегодня займемся? Может ходим в Большой? – И тут же огорчился: – Ах нет, Большой театр нам не подойдет.

– Почему? – вежливо, с легким оттенком обеспокоенности, поинтересовался Филипп.

– Насколько мне известно, Вагнера там пока не дают.

– А причем здесь Вагнер?

– Как – причем? Вы только представьте: после трех дней общения с Заратустрой – массивированный артобстрел «Валькирий». – Полетаев взмахнул воображаемой дирижерской палочкой: – Пам-пара-ра, пам-пара-ра! Бум!

– Очень впечатляет, – Филипп был озадачен. – Но, откровенно говоря, в музыке я предпочитаю менее монументальные композиции.

– Фи-Фи, дорогой, – Даша заставила себя улыбнуться, – не принимайте сказанное близко к сердцу. Дайте нашему бравому подполковнику поупражняться в остроумии. Заодно продемонстрировать широту кругозора. Разве сможет какой-нибудь господин из ЦРУ вот так, сходу, назвать шесть различий между Заратустрой и «Коза нострой»? Или иметь слабость к Вагнеру? Нет, это исключительно наша тема. – Она скорбно поджала губы. – Просто удивительно: с такими талантами и только подполковник.

– Удивительно, как с такими знакомыми еще не рядовой, – с недоброй полуулыбкой парировал Полетаев.

Он еще был вежлив, но темно-синие глаза уже напоминали грозное небо.

– Остается надеяться, что долготерпение моего начальства окажется вечным.

– Я тоже на это очень надеюсь, – вежливо согласилась Даша. – Иначе очень тяжело будет понять: за что получает зарплату человек, невидящий даже собственного носа между глаз. Даже в зеркало, в которое он регулярно смотрится.

Последняя реплика почему-то особенно сильно задела Полетаева.

– Дарья Николаевна, мне кажется, что вы неправильно расцениваете мое отношение к вам. Я вовсе не нанимался в подручные и плясать под вашу дудку не собираюсь.

– Сергей Павлович, а разве вы не давали присягу защищать свой народ? – теперь она сложила губы бантиком.

– Ты здесь при чем?

– Я – его часть.

– Ага, помечтай. Я готов защищать и весь народ, и его часть, но становиться инструментом для незаконного обогащения некоторых граждан не собираюсь. Которых, по совети, и гражданами-то назвать затруднительно...

– Я не пойму, ты на что намекаешь? – ошетибилась молодая женщина.

– Я не намекаю. Я прямо говорю: тебе надо, ты и ищи.

– А я и ищу!

– Вот и ищи. И не впутывай меня в свои махинации.

Побледнев в тон подаренному халату, Даша прошипела:

– Какие это махинации ты имеешь в виду?

– Эти смерти выгодны твоему отцу не меньше, чем...

– Не смей говорить о моем отце подобные гадости!

Температура снова поползла вверх. Спина моментально взмокла, не хватало дыхания и слов.

– Если эти люди действительно были убиты, то сделать это мог только один человек: пропавший Алексей Скуратов. У

моего отца алиби.

– Не знаю, не проверял. А Скуратова ты сначала найди, – сверкнув гневными синими глазами, подполковник скрестил руки на груди.

– И найду! – рыкнула Даша.

– Как бы эта встреча не стала для тебя последней.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что слышала.

Филипп растерянно переводил взгляд с одного на другого. Скандалы делали его беспомощным.

– Может перейдем в гостиную и выпьем чаю?

Он упорно не понимал, из-за чего весь сыр-бор разгорелся, и потому не знал, чью сторону принять. Он лишь, как мог, попытался восстановить пошатнувшийся мир.

– Вы знаете, я вчера пробовал местные пирожные – они прелестны. А давайте закажем их прямо сейчас?

Полетаев и Даша угрюмо молчали.

Так и не ответив на предложение француза, Даша встала и пошла переодеваться.

2

Следующие полчаса говорил только Кервель. Он шутил, рассказывал истории из своей жизни и даже попытался спеть «Катюшу».

Полетаев, невпопад улыбаясь, нервно постукивал мыском ноги по ножке стола и думал о чем-то своем. Даша равно-

душными глазами рассматривала пирожные, за каждое из которых, при других обстоятельствах, отдала бы душу. Ее мучил страх. Только сейчас она поняла, в каком положении оказалась. Если Скуратов убийца, то смерть грозит и ее отцу. Если во всем виновато родовое проклятье или роковое стечение обстоятельств, то мысль, пришедшая Полетаеву, вполне возможно, осенит и французское правосудие. И тогда вместо наследства отец получит сто лет одиночества. То есть оба зла оказывались большими.

Она грызла ложку, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход.

Как жалко, что все уже умерли. Вот если бы оказался еще один наследник... Перспективный, хорошо разрекламированный наследник, на которого, как на живца, можно было бы поймать убийцу. Или, на худой конец, отвести подозрения от отца.

Она тяжело вздохнула.

Еще один наследник. Да где же его взять?

– Вам чай или кофе, Серж? – Филипп нежно улыбнулся мрачному подполковнику.

Полетаев едва кивнул:

– Да, спасибо. Кофе, пожалуйста.

– А вам, Ди-Ди?

– Чай, если можно, – пробормотала Даша. Пришедшая в голову мысль не отпускала.

– «Они сошлись, вода и камень, стихи и проза, лед и пла-

мень», – с улыбкой процитировал Кервель. – Друзья мои, стоит ли вам ссориться? Дайте друг другу руки и помиритесь.

– Я ему руки не подам. – Даша потянулась за лимоном. – Он моего отца в убийцы записал.

– Никого никуда я не записывал, – холодно возразил подполковник. – Просто ты и твои родственники мне уже поперек горла встали. Простите, Филипп, вас, разумеется, это не касается.

Француз снова жалобно замахал лапками:

– Прошу вас, не начинайте сызнава. – Он придвинул тарелочку с пирожным чуть ближе к подполковнику. – Прошу вас, mon ami, сладкое успокаивает нервы.

– Пусть он объяснит, что имеет в виду, – не отступала Даша.

– Не буду я ничего объяснять, – Полетаев схватил рукой первое попавшееся пирожное с такой силой, что раздавил его пополам. – Черт! – Он поискал глазами салфетку. – Да я проклинаю тот день, когда согласился ей помочь, тот день, когда принес эти справки.

«Когда принес эти справки...», – неожиданным эхом вдруг отозвалось в рыжей голове. «А после рождения сына она слегла... Слегла... Умерла, бедная... Умерла...»

– Что это у вас, Ди-Ди? – Филипп удивленно смотрел на ее нижнюю губу.

Даша автоматически прижала салфетку ко рту. На бело-

снежном полотне растеклось красное пятно.

– Губу прокусила... Подождите, если после рождения сына она умерла, то... – она замолчала, отрешенно глядя в одну точку.

– Да что случилось? – Полетаев нервничал все сильнее.

– Ничего не понимаю.... Почему тогда... Может, потом оказалось, что она жива?

Филипп тоже мало, что понимал.

– С кем вы сейчас разговариваете, Ди-Ди?

– Нет, нет... – послышался сдержанный стон. – Этого не может быть. Просто кто-то где-то ошибся. Палыч!

Невозмутимый подполковник взял из рук застывшего француза чашку.

– Даже не вздумай просить о помощи. Единственный вопрос, на который теперь я тебе отвечу: «который час».

Та отмахнулась.

– Речь не о помощи. Когда ты принес информацию о первом браке, еще тогда меня что-то смутило... Но я не придавала этому значения.

Полетаев демонстративно посмотрел на часы.

– Сейчас половина первого.

– Что именно вас смутило? – переспросил Филипп.

– Подождите, Фи-Фи, мне нужно сосредоточиться. – Даша сжала виски и зажмурила глаза. – Николай Андреевич женился на медсестре, которая его выходила... Та родила ребенка, но сама умерла... Все правильно. Умерла!

Губы стали белее салфеток на столе.

– Господи, как же я сразу не догадалась! Она же в самом деле умерла!

У Полетаева ложечка замерла на полпути ко рту. Бедный Филипп едва не выронил кофейник.

– Простите?

– Она, – Даша сделала паузу и по слогам повторила: – Умер-ла.

– Ты уже пятый или шестой раз произносишь это слово, – раздраженно бросил подполковник. – И хотя меня это совсем не касается, я все же спрошу: кто?

– Первая жена Николая Андреевича. Екатерина, кажется...

– Елизавета. Я помню. И что?

– Как – что! – вскричала молодая женщина, но тут же снизила голос до шепота: – Фи-Фи, вы помните, что было написано в том документе, который показывал мне ваш адвокат?

– В каком документе? Простите, но я не понимаю...

– Да о браке Николая Вельбаха и моей бабушки!

Филипп растерянно пожал плечами.

– Бумага как бумага. Что в ней было особенного?

– Ничего. – Даша забарабанила пальцами по столу. – Ничего, кроме того, что в ней черным по белому написано: Николай Вельбах вступал в брак с моей бабушкой будучи разведенным!

– Ну и что?

– Раз-ве-ден-ным! – Даша потрясла рукой в воздухе. – Хотя на самом деле он должен был быть вдовцом.

Мужчины замолчали. Кервель сжался и походил на ангела-переростка. Полетаев, напротив, напоминал ангела, павшего на боевом посту.

– Что вы хотите этим сказать? – пролепетал француз.

– Что был еще один брак! Брак, о котором мы ничего не знаем.

Послышался смех. Сдерживаемый и оттого еще более обидный.

Даша резко развернулась:

– Что смешного?

– Да все. – Полетаев резко отодвинул тарелку с пирожным. – Раз закончилась одна партия наследников, так почему бы нам не выдумать новых? Еще один брак, еще человек пять-шесть подозреваемых. Прочь тоска-печаль! Конечно, обыкновенному киллеру понадобится не меньше месяца, чтобы справиться со всеми, но вам, Дарья Николаевна, уверен, хватит и пары дней.

– Что ты несешь! – рыжеволосого детектива затрясло от возмущения. – Думаешь, это мои фантазии? – Она вскочила со стула, нашла свою сумку и, покопавшись в многочисленных кармашках, извлекла небольшую изрядно помятую бумагу. – Вот!

– Что это?

– Копия свидетельства о браке. Читай, – она ткнула в одну

из строчек.

Подполковник хмыкнул.

– Ну, разведен. И что?

– То, что был еще один брак.

– Елизавета Пилау умерла в восемнадцатом, а на твоей бабуле он женился в сороковом...

– Двадцать два года! – зеленовато-ореховые глаза сверкали, отражая торжество справедливости и свет хрустальных бра. – Двадцать два года, в течение которых он мог жениться, завести детей, развестись и, что самое смешное, не единожды.

– М-да. Смешнее некуда. – Полетаев оттянул воротник. – На колу висит мочало. Я одного не пойму, ты-то чего так радуешься? В этом случае твои шансы дожить до старости минимальны. Если преступником является Алексей Скуратов, и он узнает, что ты вытаскиваешь все новых наследников, словно кроликов из шляпы, то для начала убьет тебя, а уж потом их. Можешь не сомневаться. Ты мешаешь ему.

Веснушки задрожали.

– Но что же мне теперь делать?

– Понятия не имею.

– В любом случае, необходимо все разузнать про этот брак!

– Я пас. – Подполковник поднял руки. – Больше тебе не удастся меня втравить в...

А рыжеволосого детектива уже лихорадило.

– Что же получается? Новыми претендентами на наследство могут теперь оказаться и сын Николая Андреевича, и внук или даже правнук.

– И не говори, – Полетаев с грустью посмотрел на так и нетронутую тарелку с пирожным. – Каждый день несет нам новые сюрпризы.

– И тебе не жаль моего отца? – рассердилась молодая женщина. – В любую секунду его могут убить или посадить!

– Хм. – синие глаза стали еще насмешливее.

– Хватит ухмыляться, надо спешить! Быстрее, быстрее, пока не поздно...

Подполковник поднес палец к губам:

– Тссс...

– Что? – та тут же успокоилась. – Какая-то идея?

– Ну, в общем – да. Мне кажется, не надо спешить, не надо никого искать...

– Но почему?!

– Потому, что если в ближайшее время баронесса Вельбах скончается, а твой отец, краснея от смущения, примет из рук ее адвокатов ключи от замка... – он выдержал паузу.

– Что? Что тогда?

– Тогда я арестую всю вашу баронскую семью. И никаких подпольных наследников. Я уже говорил: дела о наследстве хороши тем, что преступник приходит сам.

У Даши потемнело в глазах. И это после всего, что они пережили, после того, как он сто раз убеждался в ее честности!

Сорвав салфетку с колен, она швырнула ее на стол. Крошки пирожного полетели в перепуганного Филиппа.

– Какой же ты... – Подходящие слова не приходили на ум.
– Что б тебя...

Поняв, что волнение не позволит ей достойно ответить противнику, она выскочила в коридор, трясущимися руками надела плащ и покинула номер, громко хлопнув дверью.

Глава 24

1

Выйдя на шумную и холодную Моховую, Даша быстрым шагом пошла к Лубянской площади. Упершись взглядом в пустой пятак, некогда безраздельно принадлежавший Феликсу Эдмундовичу, она вдруг расплакалась. Ей вдруг стало обидно и за себя, и за Дзержинского. Мало того что в былые времена возложить цветы к памятнику можно было только полностью перекрыв движение – через четыре или пять рядов кругового движения не было ни одного пешеходного перехода, так еще и с этого непроходного места сдернули краном! Будто неистовый поляк и в самом деле был повинен в трусливой подлости русских, татар, грузин и остальных представителей коренных и не очень национальностей, день и ночь строчивших друг на друга доносы, подрагивая от страха и удовольствия.

«Его жизнь – печальнейшая из поэм», – написал когда-то

о железном Феликсе Троцкий, даже не предполагая, насколько печальнее окажется эта жизнь уже после смерти. Впрочем, у Троцкого жизнь тоже оказалась не сахаром.

Даша развернулась и еще быстрее зашагала в противоположную сторону. Она старалась не вдыхать холодный воздух больным горлом.

Мысль, осенившая ее во время чаепития, была больше, чем мысль. Даже если брака и не было вовсе или он оказался бездетным, то все равно сейчас жизненно необходимо раструбить о нем всем окружающим. Это даст необходимое время, чтобы во всем разобраться спокойно. Иначе либо Скуратов убьет отца, либо Полетаев отправит ее семейство в полном составе в Лефортово.

Резко закололо в правом боку. Даша остановилась в мрачном, скверно пахнущем переходе, прислонилась к стене и попыталась успокоить дыхание.

– Девушка, а как попасть в Лефортово?

Чем-то холодным полоснуло по нервам. Сглотнув, она медленно повернула голову:

– Что?

– Как отсюда в Лефортово попасть? Метро-то вроде такого нету... – Немолодая женщина, обвешанная сумками, смотрела без особой надежды. – Не знаете?

– Знаю. – Поняв, что это просто досадное совпадение, Даша немного успокоилась. – Вам нужно доехать до «Семеновской», а дальше на трамвае. Смотря куда вам надо.

– Да там золовка моя живет. – Женщина явно обрадовалась и принялась объяснять с провинциальной доверчивостью: – Совсем рядом с немецким музеем. Красенькие дома такие, знаете?

– Немецким музеем? – Даша не помнила такого музея. А ведь когда-то она знала все музеи в Москве. – Вы уверены, что такой существует?

– А то! Золовка писала, года три как открыли. К ним из Германии всякие важные послы приезжают, даже улицу, говорит, перекрывают... Да и вообще народ валом валит.

– В музей? – Даша продолжала сомневаться. – На послов, что ли, смотреть?

– Зачем на послов? Там центр, чтобы родственников своих найти. А кто ж нынче не хочет немецкой родней обзавестись? Чай, не сорок первый...

«Это судьба», – вдруг с какой-то спокойной уверенностью подумала Даша.

– Простите, а как точно называется эта улица?

2

Через полчаса она вышла на тихую аллею, густо обсаженную тополями. Тополиные листочки пожелтели, затвердели на холоде, звонким шорохом откликаясь ветру. Трамвай грохнул и скрылся за поворотом. Даша запахнула длинный без застежек плащ, купленный вместо испачканной куртки. Вещь, конечно, красивая, но непрактичная. Во всяком слу-

чае не для общественного транспорта.

Оглядевшись по сторонам, она попыталась сориентироваться. Несмотря на то что Лефортово было одним из старейших районов Москвы, Даша знала его плохо. Вернее, не знала совсем. Этим неприятным качеством отличается большинство жителей крупных городов: живя на западе столицы, они зачастую понятия не имеют, что делается на востоке. Хотя о самой истории Лефортово она все же кое-что знала. Когда-то на окрестных полях муштровал свои Потешные полки будущий император – привет «Семеновской» и «Преображенской», позднее тут же раскинулась знаменитая немецкая слобода, посреди которой и выстроил свой дворец швейцарец Лефорт. Ох, и любил погулять здесь Петр Алексеевич! Бывало, днями праздновали: все двери и ворота замка закроют, выйти нельзя, можно только есть, пить и веселиться без меры. Через неделю многие отдавали концы.

«Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

Не избежал преждевременной кончины и сам Лефорт. Окончил дни свои он скверно, хоть и не в угаре пьяном, – гнилая лихорадка его добила. Москва – это вам не Швейцария, тут здоровье богатырское надо иметь.

Приставая к одиноким прохожим, она наконец обнаружила небольшой домик с латунной табличкой: «Немецкий музей в Лефортово. Ежедневно с 10 до 19. Понедельник выходной».

Кто бы сомневался, что сегодня был понедельник. Но раз уж она сюда добралась, то только грубая физическая сила сможет ее не впустить вовнутрь. А у музейных работников, по счастью, таковой не обнаруживается. К тому же, она в некотором смысле коллега, целый искусствовед.

Потоптавшись с минуту на пороге, Даша решилась и нажала кнопку. Дверь распахнулась практически сразу. Возможно, с той стороны за ней наблюдали.

– Музей закрыт, – фраза прозвучала строго, но без напора, даже чуть вопросительно.

– Да, я знаю. Я сама когда-то работала в музее.

– Вы что-то хотели? – женщина в строгом костюме немного смягчилась.

– Да. Вы знаете, у меня очень деликатный вопрос, и я хотела обсудить его с кем-нибудь из специалистов. В области остзейского дворянства. – Даша намеренно заменила слово «прибалтийского» на «остзейского», так звучало профессиональнее.

Сотрудница музея, казалось, раздумывала:

– Проходите.

Они вошли в небольшой, но красивый холл. Темно-красные стены приятно контрастировали с белыми пилонами и лепниной. На лестничном марше, с которого симметрично разбегались лестницы, возвышался бюст самого Лефорта.

Директора музея звали Лилия Сергеевна. Бормоча какие-то благодарственные слова, Даша проследовала за ней

в небольшой кабинет, отделенный от основного помещения тяжелой портьерой. Кабинет выглядел вполне современно.

– Присаживайтесь. – Лилия Сергеевна сразу прошла в небольшой закуток, где стояли кухонная тумба и электроплитка. – Хотите чай или кофе?

– Кофе, если можно. – Даша осмотрелась, не боясь показаться невежливой. Ведь музеи для того и существуют, чтобы глазеть по сторонам. – Это фотографии сотрудников?

– Да. Еще спонсоры, представители комитетов.

– Не знала, что в Москве открыли такой музей. Правда, меня не было почти шесть лет или даже больше...

– Мы существуем всего три года. – Женщина поставила на стол две чашки. – Берите сахар, пожалуйста.

Когда первые условности были соблюдены, Даша решила перейти к делу.

– Лилия Сергеевна, для меня ваш музей – последняя инстанция. Просто не знаю, куда еще обращаться.

– Я слушаю вас.

– Дело в том, что по отцу моя линия идет от представителей остзейского дворянства, до недавнего времени считавшаяся угасшей...

– Угасшей? – Лилия Сергеевна удивленно приподняла красивые круглые брови. – А как же вы?

– Мой отец был усыновлен и почти всю жизнь носил фамилию отчима. Недавно я узнала, что родной дед имел другую семью и, возможно, потомков. Я хотела бы их разыскать.

– Что ж, вы обратились по адресу. Именно этим мы и занимаемся. – Директорша смотрела ободряюще. – Будем рады вам помочь.

– Спасибо большое. – Даша сидела, слегка оглушенная свалившийся удачей. – Даже не знаю, как вас благодарить.

– Ну пока не за что. Хотите еще кофе?

– Нет, спасибо. Прекрасный кофе, но мне достаточно.

– Тогда перейдем к делу. Как фамилия вашего деда?

– Вельбах. Барон Николай Андреевич фон Вельбах.

Лилия Сергеевна несколько секунд размышляла. Затем покачала головой:

– Нет. Вот так сразу не припомню.

Даша почти не сомневалась, что ответ будет таковым, но все равно погрустнела. Однако директор достала анкету и протянула вместе с ручкой.

– Расстраиваться рано. Заполните все пункты, на которые можете дать ответ, мы это передадим в наш банк данных. Конечно, потребуется некоторое время...

– А сколько? – Даша подняла голову.

– Что сколько?

– Сколько потребуется времени?

– Ну это сказать сложно. – Женщина кивнула на стеллажи вдоль одной из стен. – Здесь у нас данные на тысячи людей, большая часть информации введена в компьютер, но еще много и бумажной работы. Связываемся с нашими архивами, зарубежными... Иногда не менее полугода уходит.

– Полгода! – Даша испугалась. За полгода их всех истребят под корень! – А побыстрее никак не получится? Может, я сама здесь поработаю? – Она умоляюще сложила руки. – Вы не бойтесь, у меня есть опыт.

– Дело здесь не в опыте, – взгляд директора стал ускользающим.

– Понятно. – Даша вздохнула.

Разумеется, кто позволит незнакомому человеку копать в базах данных?

– Извините, я так спросила, на всякий случай. Но, понимаете, – она все же не оставляла надежды попытаться решить дело, как можно быстрее. – Дело не только в моем любопытстве, существуют определенные обстоятельства... Скажем так: я несколько ограничена в сроках.

Лилия Сергеевна смотрела на пустую анкету и явно о чем-то думала. Даша продолжала канючить:

– Моя бабушка... Она очень больна. Очень. И попросила найти пропавших родственников до того, как отправится в мир иной. Клянусь вам всеми святыми, что никакой иной цели у меня нет. – И зачем-то добавила: – Я даже живу за границей.

Директор подняла теплые карие глаза. Они улыбались.

– Вам не надо оправдываться. Я все прекрасно понимаю. У нас такой случай каждый второй. – Она помолчала. – Как же вам помочь? Быстро решить этот вопрос надежды почти нет...

Что-то в этом «почти» было такое, отчего Даша немедленно навестила уши.

– Почти?

– Почти. Есть у нас один человек, выдающийся специалист. Генрих Рейнгольдович Миллер. Одно время он занимался угасшими родами. Думаю, вам надо связаться именно с ним.

– А он сейчас здесь? – У Даши в душе запели фанфары.

– Нет. Он редко бывает в музее.

Фанфары стали чуть тише.

– А как же тогда...

– Мы сейчас ему позвоним. Он недалеко живет и, думаю, согласится вас принять. Он очень хороший человек.

– С этими словами директор придвинула телефон и набрала номер. – Его дочь уехала в Германию, а он ни в какую. Говорит, здесь мои предки жили и умирали, и я здесь хочу остаться. Он удивительный... Алло, Генрих Рейнгольдович, здравствуйте, Митрофанова вас приветствует. Как поживаете? Что-то давно к нам не заглядывали... – После небольшой паузы Лилия Сергеевна негромко охнула: – О, как плохо... Но теперь-то все в порядке? – Выслушав ответ, она снова заулыбалась. – Очень рада за вас, вы молодец. Генрих Рейнгольдович, я к вам вот по какому поводу. Здесь у меня одна дама интересуется остзейцами. Спрашивает, не могли бы вы ее проконсультировать? Можно, да? Спасибо вам большое, я передам ей трубочку... А, поняла, поняла! Хорошо, ждем

вас в гости... Марье Сергеевне сердечный привет.

Даша растерянно улыбалась. Она так и не поняла, чем закончился разговор.

– Генрих Рейнгольдович просил вас зайти прямо сейчас.

– А это удобно? – ей вдруг стало неловко.

Напросилась в гости к совсем незнакомому человеку.

– Конечно удобно. – Лилия Сергеевна уже протягивала листок с адресом. – Ему новый человек только в радость. – И добавила с непонятной интонацией: – Тяжело ему одному.

3

Выглянуло солнце, ветер стих, и для середины октября погода установилась отменная. Солнышко щедро расцветило оставшиеся на деревьях листочки. Поблекшие, растерявшие красные, желтые, золотисто-оранжевые краски, казалось, они пользуются последней возможностью погреться в холодных солнечных лучах, хоть на мгновение расцвести приготовившийся к зиме город.

Даша бодро вышагивала вдоль домов, высматривая нужный номер. Через пятнадцать минут она уже поднималась на третий этаж. Нужная дверь оказалась чуть приоткрытой.

– Тук-тук, хозяйева, есть кто дома? – спросила она, просовывая голову в щель.

– Проходите! – отозвался громкий голос из глубины квартиры.

Толкнув дверь, молодая женщина оказалась в темном тес-

ном коридоре. Тусклая лампочка без абажура едва освещала бесчисленные книжные полки и давно не циклеванный паркет. Хозяина не было видно.

– Проходите в комнату! Из коридора сразу направо, – слышался тот же голос.

Даша неуверенно шагнула в комнату. Большая, почти квадратная комната выглядела словно с довоенных фотографий – выцветшая деревянная мебель, низкий абажур над круглым столом, тяжелая скатерть. И бессчетное количество книг. Книги, как и мебель, выглядели очень старыми, их корешки были потрепаны, за малым исключением все они имели неопределенный серо-коричневый цвет. Лишь сборники да энциклопедии имели хоть какой-то упорядоченный вид, большинство стояли впритирку, вповалку, друг на друге.

Даша так увлеклась разглядыванием корешков, что не сразу заметила хозяина. Возле расшторенного окна в кресле-коляске сидел мужчина. Он сидел спиной к окну, свет падал сзади, и лица почти не было видно.

– Ну что же вы замерли, голубушка. – Голос хозяина прозвучал весело, доброжелательно, словно он обращался к давней знакомой. – Проходите, не стесняйтесь.

Даша сделала несколько робких шагов.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте, здравствуйте. И как же вас звать-величать?

– Даша.

– Стало быть Дарья... – Миллер вопросительно приподнял интонацию.

– Николаевна.

– Вот и прекрасно, Дарья Николаевна. Проходите, устраивайтесь, сейчас Марья Сергеевна придет, чайком нас попотчует. Она как узнала, что к нам гостя пожаловать изволит, так сразу отошла пирожных сладких купить. Вы ведь любите пирожные, а? Признавайтесь.

Даша улыбнулась и, сняв плащ, перекинула через спинку массивного деревянного кресла, страшно чопорного и, скорее всего, жутко неудобного.

– С вами – с удовольствием.

– Отчего же именно со мной? – Хозяин подкатил свое кресло ближе к столу.

– А когда человек с таким аппетитом предлагает сладенького, то отказать просто невозможно. Кстати, чайник я могу и сама поставить.

– Нет, нет! Ни в коем случае, голубушка. Нам тогда Марья Сергеевна форменную взбучку устроит. Вы лучше присаживайтесь, и давайте знакомиться. А то я из звонка любезной Лилии Сергеевны не уяснил, что именно вас заинтересовало в бурной истории остзейцев. Но могу предположить. Вы наверняка относительно родственников хотели осведомиться?

Еще по дороге сюда Даша придумала с десятков более или менее правдоподобных объяснений своего появления, но, едва взглянув на хозяина квартиры, поняла, что соврать

просто не сможет. Присев на краешек кресла, оказавшегося вполне удобным, она сложила руки на коленях и посерьезнела.

– Для начала я хочу поблагодарить вас, Генрих Рейнгольдович, что согласились меня принять и выслушать. И хоть я отдаю себе отчет в том, что человека вашего уровня неловко даже просить об этом, но все же обстоятельства обязывают меня. – Она сделала паузу – Вопрос, который я хотела обсудить с вами, крайне деликатен и требует особой конфиденциальности.

Хозяин слушал, кивая головой. В лице появилась хитринка.

– Ваше беспокойство вполне естественно, голубушка Дарья Николаевна. Генеалогия – дело тонкое, оно не только знаний требует. Можете мне полностью довериться.

– Спасибо! – Даша проникалась к генеалогу все большей симпатией. – Все началось с того, что я решила разыскать одного человека...

– И кого же?

– Дедушку.

– Дедушку? Это похвально. – Несмотря на любезность слов, голос хозяина прозвучал чуть иронично. И, словно опасаясь, что гостю ирония может задеть, пояснил: – Похвально, что в наше не совсем чуткое время молодежь проявляет все больший интерес к своим корням. Даже если цели не всегда... – он кашлянул. – Ну да ладно. Вот вы, например,

с какой целью дедушку разыскиваете, если не секрет, конечно?

Даша замаялась. Ей почему-то стало неудобно объяснять сидящему перед ней великодушному человеку про наследство. Несмотря на то что ей оно все равно не достанется.

– Понимаете... Мне стало известно, что моим родным дедом был совсем другой человек. Он был бароном, немцем по происхождению. Из балтийских. – Она закусилла нижнюю губу. – А еще я узнала, что перед тем как дедушка женился на моей бабушке, у него была другая семья... Вот. – Нужные слова никак не находились. – Понимаете, мне нужно...

– Составить красивую родословную? – Миллера, казалось, забавляло ее смущение.

– Что?

– Вы хотите, чтобы я составил вам родословную? Генеалогическое древо?

– Да. То есть нет! – Даша окончательно смешалась. – Нет, я хотела, я думала, что... Понимаете, это все так сложно!

Хозяин рассмеялся:

– Вы меня совсем запутали. Давайте-ка выпьем чаю, и вы мне спокойно, подробно все расскажете. Ну-с, извольте за стол, – Он кивнул кому-то за ее плечом. – Марья Сергеевна, уже можем?

Даша обернулась. Перед ней стояла высокая крупная женщина. Бледное, немного тяжелое, но все же красивое лицо оттеняли густые каштановые волосы, уложенные широким

венцом.

– Господи, как вы меня напугали! – Даша схватилась за сердце. – Я не заметила, как вы вошли.

– Вы и не могли меня заметить. – Округлый, малоросский говор Марьи Сергеевны удивительным образом не совпадал с ее царственной внешностью. Казалось, она только открывает рот, а говорит кто-то совсем другой, проще и старше. – К столу, пожалте...

Стол и в самом деле непостижимым образом оказался накрыт. Даша удивилась: как же она ничего не услышала? Ей даже захотелось выразить вежливое удивление, но слова почему-то не шли. Настолько, насколько хозяин казался открытым, настолько же эта женщина выглядела неприветливой.

Миллер заметил смущение своей гостьи и поспешил разрядить обстановку:

– Позвольте вас друг другу представить: Марья Сергеевна Маневич, моя помощница, мой добрый ангел-хранитель. И наша гостья Дарья Николаевна. Она ищет следы своего деда и имеет самые благие намерения.

– Я слышала. – Домработница принялась разливать чай. Лицо ее оставалось неподвижным.

– Не обращайтесь внимания. – Миллер, огибая Дашу, подкатил кресло к столу. – Наша Марья Сергеевна недолюбливает новых хозяев жизни.

– За что же мне любить их? – Женщина осуждающе поджала губы. – Сначала отрешивались от своих предков, а те-

перь им всем в графья подавай. Да ладно если бы еще нарек на то имели, а то ведь и вовсе жулики приходят. Это Генрих Рейнгольдович такой добрый, все увещевать их пытается. Я бы гнала скалкой...

– Марья Сергеевна, душа моя, да ведь они не виноваты в этом. Они лишь дети своего времени.

– Жулики. – Слово звучало как приговор. – Аферисты.

– А что плохого в том, что люди ищут своих предков? – Даша решила высказать свою точку зрения. – К тому же те, кто сейчас ищет своих предков, никак не могли от них открещиваться.

Маневич глянула, словно кинжалом пронзила.

– Значит, родительский грех на них лежит, – процедила она. – Да знали бы вы, сколько проходимцев здесь перебывало. Сам из грязи еще не вылез, а туда же: норовит в князи. А в хорошие люди попасть это тебе не скидерку скласть...

Даша испытывала противоречивые чувства. Нет, она не оправдывала погоню за титулами, но считала, что к истории предков стоит относиться все же более уважительно.

– По-вашему, мир делится на родовитых и плебеев?

Марья Сергеевна изобразила нечто похожее на улыбку. Так, наверное, улыбаются гремучие змеи.

– А коли не делился бы, так зачем бы они себе родословные заказывали? Вы-то небось тоже не за крестьянами сюда пожаловали, в баронессы, поди, метите...

С этими словами домработница протянула чашку. Даша

почувствовала тяжелый жар в груди. Не взять чашку означало прямой афронт, принять – признать правоту сказанных слов.

– Извините, что потревожила вас, – она встала и потянулась за плащом. – Благодарю за приглашение.

– Ну вот! – Миллер всплеснул руками, – Видите, что вы, Марья Сергеевна, наделали. Обидели человека. Дарья Николаевна, прошу вас, не сердитесь, она не хотела вас обидеть.

– Я в этом не сомневаюсь, – сухо ответила Даша. – И все же разрешите откланяться.

– Прошу вас, останьтесь. – Что-то в голосе хозяина заставило Дашу остановиться. – Мне в последнее время редко удастся поговорить с новым человеком.

– Хорошо. – Даша отложила плащ и выразительно посмотрела на домработницу. – Только прошу вас уяснить сразу, я сюда пришла не за родословной.

– Верю вам, голубушка, верю. – Миллер поспешил перевести разговор в иное русло. – Хоть и не совсем разделяю вашу точку зрения.

– Почему? – Даша почти успокоилась. Она придвинула к себе чашку с чаем и краем глаза принялась высматривать наименее калорийное пирожное.

– Да потому, что все меньше остается людей, сохраняющих чувство рода.

– Что вы хотите этим сказать?

– Чувство рода, своего ли, чужого, это особая культура.

Вы можете принимать ее, а можете игнорировать, но это всегда идет изнутри, от глубокого понимания сущности явления и осознания его необходимости.

– Осознания необходимости? – переспросила Даша. – Но зачем осознать, кем были предки? Достаточно просто знать...

– Э, нет! – Миллер погрозил пальцем. – По наследству передаются не только нос с горбинкой или форма бровей. Основное, что мы наследуем от своих предков – это внутренние качества индивида. Еще в те времена, когда органы надзора и контроля не были столь массово распространены, а понятие «анкета» и вовсе не существовало, возникали иные паспорта и анкеты – родословные, истории родов. И, заметьте, родов разных сословий: от императорских до крестьянских. И каждый человек с самого своего рождения знал, какого он рода-племени. Человек еще не имел имени, а уже имел фамилию, которая отражала особенность рода, являлась как бы паспортом всей семьи. Знаете, как говорили? «В лицо человек сам себя не признает, а имя свое знает». Услышав фамилию человека, другие сразу же понимали, что от него ожидать, ведь яблоко от яблони не далеко падает. Сие поддерживало нравственность, ибо если все твои предки были достойными, уважаемыми людьми, то и самому вроде как негоже пакостный след после себя оставлять – ведь это на твоих детей темным пятном падет. Потому и говорили: «Смерть лучше бесчестия». Люди кровью смывали позор, лишь бы не

пострадала память предков и будущность потомков.

– Можно было уехать и начать новую, честную жизнь.

– Иван, не помнящий родства? Нет, голубушка, подозрителен такой человек был, темная лошадка, поди знай, чего от него ожидать можно! Тогда люди прекрасно понимали, откуда такие Иваны берутся. Понимание сущности и предназначения летописи рода не давало обществу деградировать. Вот отменили родословные в Октябре, и сами видите, чем дело кончилось.

– Ну не знаю... – Даша осторожно взяла чашку и сделала глоток, – Мне все же это анахронизмом каким-то представляется. Монархия... В наше-то время!

Миллер добродушно рассмеялся:

– Я же с этого и начал: каждый человек определяет для себя, что ему притягательнее. Вы не придаете этому значения – прекрасно, вы свободны в своих поступках, и это то, что никогда не коснется вас. Ведь вы же не прыгаете с парашютом. Но ваше безразличие к генеалогии означает, что вам и не надо входить в этот мир – он корысти не любит. Не прощает.

– Не прощает? – Даша почувствовала себя неудобно. Сразу же вспомнились последние события.

Но генеалог, видимо, имел в виду иное.

– Очень легко, голубушка, превратиться в посмешище. В молодости тщеславие еще простительно, но вот к старости эта страстишка способна и почтенного человека превратить

в дурака. Еще Руссо справедливо заметил, что если тщеславие и сделало кого-то счастливым, значит, этот кто-то был дурак.

Вступительная часть немного затянулась, но Даша не знала, как перейти к сути дела. Впрочем, Миллер и сам все понял.

– Так как же звали вашего деда?

Придвинув сахарницу, она уцепила щипцами кусочек сахара.

– Барон Вельбах...

– Что?! – Чашка выскользнула из рук хозяина, жалобно звякнула и разбилась о край стола. – Что вы сказали?

Рука застыла в воздухе.

– Повторите, что вы сейчас сказали! – Старый генеалог подался вперед, казалось, еще чуть-чуть, и встанет со своего кресла.

Спокойной оставалась только монументальная домработница. Пронзив перепутанную гостью тяжелым взглядом, она принесла с кухни ведро и веник и принялась убирать осколки.

Даша сглотнула:

– Я говорю, мой дедушка...

– Это я уже слышал! – Миллер салфеткой попытался оттереть брюки. – Повторите его имя.

– Вельбах?

– Вот именно. – Генеалог потряс салфеткой в воздухе. –

Вельбах! Нет, это невозможно, совершенно невозможно!

– Но... почему? – Даша растерялась еще больше.

– Да потому, что последний русский барон Вельбах скончался в Париже в тысяча девятьсот тридцать третьем году, оставив сиротой младшую дочь. А единственный сын его – Николай – погиб от полученных ран в одна тысяча девятьсот шестнадцатом году. Во время Первой мировой войны.

Осведомленность Миллера произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Даша побледнела, затем ее бросило в жар, руки ходили ходуном.

– Не совсем так. – Она наконец опустила щипцы. – То есть, с одной стороны вы абсолютно правы, но у меня есть достоверные сведения, что Николай Вельбах остался в живых и переехал на Дальний Восток...

– Исключено.

– Почему?

– Потому что существуют свидетельства очевидцев. Барон Андрей Николаевич фон Вельбах был смертельно ранен в бою и захоронен в общей могиле под...

– Простите, что перебиваю, – Даша приложила ладонь к груди. – Вы что, помните биографии всех остзейцев?

Полумрак комнаты не позволял рассмотреть лицо старого генеалога, но все же ей показалось, что Миллер на секунду смешался. Достав чистый платок, он протер уголок глаза.

– Разумеется, не всех. Однако, что касается членов угас-

ших родов, тут я, можно сказать, собаку съел... — он помолчал. — Этой темой я занимаюсь всю свою жизнь. И как специалист заявляю вам: совершенно невозможно, чтобы Николай фон Вельбах выжил. Кто-то решил подшутить над вами.

Даша устало откинулась на спинку кресла. Конечно, приятно оказаться более осведомленной, чем лучший специалист, однако это означало, что ничего нового Миллер сообщить ей не сможет.

— Этот кто-то — баронесса Вельбах, родная сестра Николая Андреевича. Она сама разыскала меня и упросила найти всех мужских потомков своего брата, дабы передать одному из них свое состояние. Согласитесь, странный юмор.

Миллер вытянул шею.

— Как вы сказали? — Но тут же махнул рукой. — Не повторяйте, я все прекрасно слышал. Она нашла вас сама?

— Ее адвокаты.

— Хм. — Миллер склонил серебристую голову и прикрыл глаза жилистой рукой. — Допустим, это правда. Но почему тогда баронесса фон Вельбах стала разыскивать потомков брата только сейчас? Спустия столько лет?

Даша развела руками:

— Она так же, как и вы, как и все остальные, даже предположить не могла, что ее брат выжил и имел детей.

— Что же случилось?

А несколько месяцев назад ей в руки попала фотография Николая Андреевича, датированная тридцать восьмым го-

дом...

– Всего лишь фотография? – В голосе Миллера зазвучало сомнение. – А вам не кажется, что это слишком...

Даша покачала головой. Она поняла, что хотел сказать генеалог.

– Не кажется. Потому что адвокаты Марьи Андреевны послали запрос на Дальний Восток и там подтвердили факт существования Николая Андреевича Вельбаха и его службы во Владивостоке.

– Черт побери... – Старый генеалог выглядел потрясенным. – Как же я мог... Ах я, старый дурак!

Даша поспешила его успокоить:

– Да не стоит вам так убиваться. Это вовсе не ваша вина – просто время такое было. А представьте, какие чувства испытала бедная Марья Андреевна!

– Да уж, могу себе представить. – Миллер о чем-то напряженно думал. Он выглядел как человек, решающий для себя что-то очень важное. – Дарья Николаевна, возможно, я повторю, возможно я смогу вам помочь. – Предупреждая вопрос, он поднял сухую ладонь. – Вы подождете меня немного?

Даша молча кивнула. От волнения она не могла говорить.

– Тогда угощайтесь, я скоро вернусь. – Он развернул свое кресло и выехал из комнаты.

Стараясь не смотреть в сторону Маневич, Даша потянулась к самовару.

Миллер отсутствовал минут пять. Все это время женщины хранили молчание и давились сладким. По крайней мере Даша – точно. Заслышав скрип половиц, она готова была зарыдать от счастья.

Генеалог выглядел деловито.

– Скажите, как звали вашу бабушку?

– Какую именно?

– Разумеется, ту, которая вышла замуж за Николая Вельбаха.

– Лидия. Лидия Михайловна.

Миллер испытующе смотрел на свою гостью.

– Вы уверены в этом?

– Что? – Даша растерялась. – В каком смысле «уверена»?

– Ее звали так с самого рождения?

– Насколько мне известно, да.

«Странный вопрос...»

– А не была она, случайно, актрисой или певицей?

Некоторое время Даша молчала, когда же она, наконец, заговорила, то голос ее звучал уже не так уверенно.

– Вы меня ставите в тупик. Лично я об этом ничего не слышала. Хотя, конечно, утверждать однозначно не берусь. Но почему вы спрашиваете?

Хозяин немного оживился, но при этом вид у него стал смущенный и даже виноватый.

– Я должен перед вами покаяться, – пробормотал он, – Видите ли, Дарья Николаевна, если бы не моя самоуверенность, я обладал бы сейчас гораздо большей информацией, но...

– Простите, не понимаю, о чем вы. – В глубине души росло легкое раздражение – либо Миллер морочит ей голову, либо они говорят о разных вещах.

– Сейчас объясню. – Генеалог подкатил кресло к столу. – Когда-то у меня был старший товарищ – Сухоруков Геннадий Иванович, ныне, к сожалению, покойный. Он был великолепным ученым, ботаником, и долгое время жил на Дальнем Востоке.

Даша моментально навестила уши.

– Мы часто и много переписывались, но одно письмо запомнилось мне особенно. В то время как раз вышла моя книга «Угасшие роды Российской империи», и я позволил себе отослать один экземпляр моему товарищу. А вскоре получил ответ. – Миллер протянул два листа с рукописным текстом. – Я скопировал его для вас. Не все, конечно, но ту часть, которая может вас заинтересовать. Прочтите.

Даша взяла еще теплые листы и вопросительно взглянула на генеалога.

– Читайте, читайте.

– «...Книжка твоя понравилась – толстая, да и обложка богатая! А если серьезно, то по сути своей это справочное издание, я же в генеалогии не силен. Однако кое-какие огре-

хи заметил и рад тебе о них сообщить. Вот ты пишешь, что род баронов Вельбах считается угасшим, а ведь это не так. В середине тридцатых, будучи во Владивостоке, знавал я одного Вельбаха, вернее, не столько его самого, сколько его жену – даму волшебной красоты. Красивее женщины я не встречал и вряд ли уже встречу. Она, кажется, имела цыганские корни и, надо заметить, кроме красоты обладала дьявольским темпераментом и весьма вспыльчивым нравом...»

Даша подняла голову:

– Значит, вы знали! Почему же вы мне не сказали сразу?

Миллер смущенно вздохнул:

– Все эти годы я пребывал в уверенности, что Сухоруков ошибся. Увидел красивую женщину и все перепугал. Или же та дама просто имела псевдоним: далее из письма следует, что она принадлежала к богеме... Потому-то меня так и потрясло ваше сообщение – ведь я еще тогда, десять лет назад, мог все выяснить по горячим следам.

Даша посмотрела на листок.

– Я продолжу?

– Да-да, конечно.

– «...Звали ее Галина. И в ту пору, в кою мы встретились, была она в самом своем расцвете. Как-то компанией сидели мы в летнем ресторане, подошел к нам некий военный чин и сделал Галине комплимент, вероятно двусмысленный. Муж ее был отвлечен разговором и этого не заметил. Галина вскочила, закатила пощечину одному и второму и сбежала. Муж

за ней не пошел, он был страшно сердит. Позже они развелись...»

На этом отксерокопированная часть обрывалась. Даша растерянно перевернула лист, но, ничего не обнаружив, подняла голову:

– Это все?

– Что касается вашего деда, да.

Не скрывая разочарования, молодая женщина пробормотала:

– Но ведь это почти ничего...

– Разумеется. Именно поэтому я сразу же написал Геннадия Ивановичу письмо с просьбой рассказать обо всем подробнее, но он ответил, что уже мало помнит события тех лет, единственное, в чем он уверен, – муж Галины служил в морской авиации и, кажется, был инженером-конструктором. Но он даже не смог вспомнить, какой у него был цвет волос, а ведь почти все Вельбахи были рыжими. – Тут Миллер невольно перевел взгляд на шевелюру своей собеседницы, – Вы действительно похожи. Те же скулы, тот же разрез глаз. Как же ему удалось спастись тогда, в шестнадцатом?

Даша потянулась за чаем:

– Его выходила санитарка. Позже она стала его женой.

– Той самой? – удивился Миллер. Видимо, он не мог представить себе дикую красавицу Галину сестрой милосердия.

– Нет-нет. Первую его жену звали Елизавета. Она родила ему сына Георгия, но сама, к сожалению, скончалась.

– Вот как... И от него ваша веточка?

– Нет. Моя, как вы выразились, веточка от третьего брака.

– А что стало с первым сыном?

– Георгия усыновили. Он умер в конце шестидесятых, но у него оставалось трое сыновей. – Даша замялась. – К сожалению, они тоже умерли.

– Как много вы успели узнать, – Миллер, казалось, был удивлен.

– Да уж, – пробормотала Даша.

– Но все же вы ничего не знали о втором?

– И да, и нет. Я подозревала, что у бабушки был еще один брак, но не была в этом уверена. И, естественно, не знала, были ли от этого брака дети.

– Были, определенно были. Минимум двое.

Даша вскинула голову.

– Почему вы так думаете?

– Потому что Сухорукой в ответ на мое письмо – его я, кстати, сейчас так и не нашел, сообщил, что после развода Галина взяла прежнюю фамилию. – Миллер прикрыл глаза. – Фамилия, фамилия... Какая же у нее была фамилия? Какая-то совсем простая... Забыл, ну надо же...

– Простите, – перебила Даша, – вы говорили о детях.

– Ах, да! Еще он писал, что несмотря на детей она сохранила прекрасную фигуру. И что девочка, наверное, в отца – невзрачненькая, а вот старший мальчик – вылитый мать, красив, как маленький бог.

– Старший мальчик? – сердце ухнуло вниз. – Что это значит? Мальчиков было двое или просто он был старшим?

– Не знаю, голубушка, не знаю. Получив такие невразумительные ответы, я к этой теме больше не возвращался. Решил, что, либо мой приятель что-то перепутал, либо эта Галина, будучи актрисой, просто взяла себе звучную фамилию.

– И это все?

– Да. Если не считать того, что, получив развод, она сбежала с каким-то капитаном, что из-за этого был огромный скандал.

– С капитаном? С каким капитаном?

– Не могу сказать – фамилия неразборчива. Но мой приятель писал, что скандал был огромный.

– Скандал из-за того, что разведенная женщина сбежала с капитаном? – удивилась Даша.

– Получается так. Может, это был какой-то известный человек? – Миллер и досадливо хлопнул ладонью по колену. – Ах, какой же я был дурак! Ну почему я сразу не поверил, почему сразу не проверил!

Даша вздохнула:

– Чего уж теперь... Скажите, а с кем остались дети?

– Этого не знаю.

Даша шумно выдохнула и, расставив на столе локти, обхватила голову.

– И что мне это дает?

– Хотите сказать, что моя информация оказалась беспо-

лезной?

– Разумеется! – проскрипела Мария Сергеевна. – Сейчас она станет уверять, что знала обо всем и без вас.

Как ни странно, но слова злобной домработницы не произвели на рыжеволосого детектива никакого впечатления.

Даша опустила подбородок на сплетенные пальцы.

– Как же мне эту Галину разыскать? Она ведь детям тоже, наверняка, фамилию поменяла.

– Может через театры? Должны же у них храниться старые афиши, фотографии.

– Да, но Дальний Восток... – в голосе не слышалось оптимизма. – Я даже не знаю, какая у нас разница во времени. И как узнать адреса тамошних театров?

– А вы попробуйте через Интернет.

Даша улыбнулась.

– Конечно. Вы мой добрый гений, Генрих Рейнгольдович. Можно, я сделаю один звонок?

Глава 25

1

По дороге в гостиницу Даша проклинала пробки, с трудом удерживаясь от желания выскочить из такси и бежать пешком. Дело в том, что ей не удалось поймать Кудрявого на работе, а номер его мобильного телефона остался в кармане куртки.

Если бы не этот забытый номер, она бы ни за что не вернулась в гостиницу – врать Полетаеву после сегодняшнего скандала она опасалась, а говорить правду тем более. Тот мог отреагировать на вновь открывшиеся обстоятельства самым неожиданным способом.

К немалому ее удивлению в номере никого не оказалось. Какое счастье. Теперь можно спокойно созваниваться с Кудрявым и мертвой хваткой брать его за горло. Она почти не сомневалась, что с помощью программиста удастся не только отыскать следы таинственной Галины, но и в максимально короткие сроки сделать этот факт достоянием миллионов.

Однако, радость несколько померкла, когда в кармане куртки визитки с номером Кудрявого не оказалось.

– Какой негодяй! – Даша почти не сомневалась, что к пропаже причастен Полетаев.

Теперь в распоряжении детектива оставались только собственная память и память ее мобильного телефона. И та, и другая, к сожалению, были не полными.

Пожелав подполковнику сломать обе ноги, Даша вооружилась карандашом и первым делом записала номера, хранящиеся в голове, – поди знай, что с ней при такой жизни может произойти, затем переписала телефоны с мобильного, бумажку свернула в четыре раза и спрятала во внутренний карман кошелек, с которым, как и с паспортом, не расставалась ни на секунду. И скорее, пока не вернулись мужчины, продолжила поиск программиста.

На работе Кудрявого по-прежнему не было, дома тоже. Номер же его мобильного телефона ей категорически отказались сообщить.

– Даш, не обижайся, но он меня убьет, – жалобно басил Володя.

– Он мне его сам давал! – клятвенно заверяла Даша. – Ты что, мне не веришь?

– Не-а. Не обижайся, но правда не верю.

– Ну нет так нет, – вздохнула молодая женщина. – Пообещай хотя бы, что заставишь его позвонить мне.

– Если получится.

– Володечка, это очень важно.

– Я понимаю...

– Ну пообещай!

– Постараюсь...

Поняв, что большего ей не выжать, Даша распрощалась и повесила трубку. И только сейчас заметила записку, лежащую рядом с телефоном.

«Милая Ди-Ди! Ждали Вас к обеду, но увы... Серж согласился показать мне московские магазины. Если задержимся, начинайте ужинать без нас. Целую Вас нежно и сердечно, любящий Вас Филипп Кервель».

– Застрелиться и не жить! – Даша скомкала записку и швырнула в пепельницу. – Ладно, хоть отдохну от них немного.

Раскинув руки, она упала на кровать. Конечно, возник-

шая в расследовании пауза не могла не расстроить, но поделаться она все равно ничего не могла. Оставалось только проклинать коварство так называемого союзника и пытаться спокойно оценить ситуацию. Итак, появилось практически бесспорное доказательство ее догадки: существовала еще одна ветвь русских баронов Вельбах – в пользу этого говорила запись в свидетельстве о браке и письмо Сухорукова. Но куда, в таком случае, они все подевались? Умерли, или опять произошла смена фамилии? Последнее казалось наиболее вероятным – скорее всего, темпераментная Галина действительно вышла повторно замуж и изменила фамилию себе и детям.

«Повторно...»

И чего им всем спокойно не сиделось? Еще капитан какой-то...

Предаваясь неутешительным размышлениям, Даша не заметила, как заснула. Ей снились красивые цветные сны. Пляски цыган вокруг костра перемежались видами горных пейзажей и ярким светом салонов бутиков. В витринах стояли манекены, как две капли воды похожие на Полетаева. Фи-Фи придирчиво присматривался к вещам и требовал завернуть их вместе с манекенами. А затем, они все втроем ехали в спальном вагоне куда-то в направлении Австралии, и Даша никак не могла понять, как же она целый месяц будет спать – ведь оба места заняты...

Разбудил ее голод. Жалобно урчал желудок, губы были сухими.

"Сколько же я проспала?»

Она посмотрела на часы. Стрелки показывали восемь. И вряд ли утра, так как за окнами было темно. Как, впрочем, и в самом номере.

«Кудрявый, гад, так и не позвонил».

Но где Полетаев с Кервелем? За это время можно было десять раз пообедать. Неужели все еще по магазинам ходят?

Даша вспомнила, как Филипп жаловался Полетаеву на кражу всего своего барахла и тот пообещал помочь ему одеться.

Она встала, включила везде свет и снова позвонила Валере. На работе уже никого не было, а дома по-прежнему включался автоответчик.

«Оставьте информацию после звукового сигнала...» Кушать хотелось все сильнее. Конечно, можно спуститься поужинать в гостиничный ресторан, но в одиночестве ужинать не хотелось.

«Подожду, – решила она. – Все равно Кудрявого пока дома нет. Но где они так долго бродят? Неужели и вправду по магазинам?»

Когда мужчины не вернулись и к девяти, Даша обругала их шмоточниками и попробовала дозвониться подполковнику на мобильный. Телефон был включен, но на звонки ни-

кто не отвечал. То же происходило и с телефоном Кервеля. Этому могли быть только два объяснения: первое – они оба умерли, второе – не хотят с ней общаться. Заподозрить Полетаева в скоропостижной кончине было по меньшей мере наивно. Оставалась суровая правда: ее просто не хотят видеть. Но почему?

Даша разнервничалась не на шутку. А что, если тот и вправду решил, что это она, на пару с отцом, убивает всех остальных ради денег? Нет, нет, подполковник на это не способен – все же они знакомы не один день.

«Если только...» Даша присела.

Если только он по каким-то своим соображениям не хочет, чтобы она даже в теории получила это наследство. Тогда он постарается заронить сомнение в нежную душу француза и таким образом поссорить их.

Последняя версия казалась наиболее правдоподобной. Если это так, то сто против одного, сейчас они сидят у подполковника дома, тот угощает доверчивого Филиппа каким-нибудь дорогущим коньяком и пудрит ему мозги.

«Ну уж нет, Сергей Павлович, вы напрасно полагаете, что со мной так просто справиться!»

Недолго думая, она прошла в ванную комнату и вытряхнула содержимое косметички на мраморную столешницу. Из ее рук все сыпалось, но она была полна решимости разобраться в происходящем.

Филипп тоже хорош – ее, почти родственницу, готов про-

менять на человека, практически незнакомого, да еще слушающего в органах. И из-за чего? Из-за широты взглядов? Ведь если женщина не ходит на шоппинг и читает Ницше, это еще не означает, что ее можно позабыть в гостиничном номере, словно старое пальто. Это вообще ничего не означает, кроме одного: она умна и образованна.

Правый глаз уже был полностью накрашен и смотрел более гневно, чем ненакрашенный левый. Нет, или подполковник оставит свои интриги, или пожалеет, что на свет родился.

Приведя себя полностью в боевой вид, Даша перетряхнула чемодан и после недолгого раздумья достала единственное платье, которое взяла с собой.

«Да я почти красавица! – подумала она, увидев себя в полный рост. – Если не найду их, или они опять начнут мне пакости говорить, уйду с первым же встречным!»

Уже закрывая номер, она принялась представлять себе этого встречного. Призрачный красавец томно улыбался и посылал воздушные поцелуи...

3

Как и следовало ожидать, подполковник не был рад ее видеть. Приоткрыв дверь сантиметра на полтора, он осмотрел визитершу через щель. Убедившись, что это действительно она, сухо поинтересовался:

– Ну?

– Может, все-таки пригласишь меня войти?

Даша старалась выглядеть безмятежной. Расстегнув плащ, она положила руку на талию, привлекая тем самым внимание к своему наряду.

На Полетаева маневр не произвел никакого впечатления.

– Пригласить? Это еще зачем?

– Кофе угостить.

– Ты хочешь кофе?

– Хочу.

Полетаев пошуршал за дверью, и в проеме показалась пятисотрублевая бумажка.

– Держи. Хватит и на кофе, и на обратную дорогу

Кто бы стал терпеть такое обращение! Да еще в платье.

Отойдя на пару шагов назад, чтобы получить достаточное ускорение, Даша разбежалась и сшибла дверью обалдевшего подполковника, малым не сломав ему ключицу.

– Что-то не любезен ты сегодня, – холодно заявила она, пытаясь продраться в квартиру как можно дальше.

Полетаев беззвучно ругался неприличными словами, пытался вправить плечо и удержать ее за полу плаща.

– Такое ощущение, что ты звереешь на территории Родины!

– Меня, как Антея, питает сыра мать Земля.

– Хватит чушь молоть. Что ты хочешь?

– Ты не отвечал на мои звонки. Почему? – Ей наконец удалось вырвать плащ и пройти в кабинет.

– Да потому что не хотел! – Полетаев шел следом, не отставая ни на шаг.

В кабинете никого не было.

– Где Филипп? Все по магазинам ходит?

– Нет. – На мужественном лице читалась досада. – Он в гостиной.

Даша рванула в гостиную и застыла на пороге. В полосатом ампирном кресле сидел мсье Кервель и держал в руке раскрытый томик французских стихов.

– О! – произнес он, увидев Дашу – Рад видеть вас, дорогая Ди-Ди.

Черта с два! Лицо названного дядюшки было таким кислым, что обмануться было невозможно. Значит, Полетаев все-таки провел агитработу.

– Как мило... – она демонстративно оглядела комнату.

Стол был сервирован на двоих, в три хрустала. Без сомнения, ужин планировался долгий. Стол украшали цветы и свечи.

– Я вам помешала? – Она заставила голос звучать нарочито удивленно.

– Конечно, помешала. – Полетаев прислонился спиной к косяку. – Теперь ты уйдешь?

– Нет. Теперь я тем более не уйду.

Неожиданно для себя Даша почувствовала укол ревности. Да неужели сидящий в кресле полувоздушный доходяга с собачьим именем и крашеной головой более интересный себе-

седник, чем она? Или, разве может сравниться ее искрометное остроумие с занудливыми рассуждениями эстета в погонах?

Ответ находился прямо перед глазами. Мужчины явно давали понять, что не жаждут ее общества.

Но незваная гостья продолжала делать вид, что не понимает.

– Простите, что перебила вашу беседу, джентльмены... – Ожидая ответной вежливости, она сделала паузу.

Как и следовало ожидать, джентльмены не бросились ее разубеждать. Пришлось продолжить.

– Я пришла сообщить вам одну невероятную новость... Чем это здесь так вкусно пахнет?

Полетаев демонстративно посмотрел на часы:

– Дарья Николаевна, нельзя ли покороче? Так вкусно пахнет горячее. И я боюсь, что оно перестоит.

– Ничего, – Даша отбросила вежливость, как разоблаченный симулянт костыль, – постоит, не развалится.

Еще раз взглянув на часы, подполковник сухо возразил:

– Это рыба. Она развалится. Так что, прошу побыстрее.

– Какая рыба?

– Не имеет значения. Осетрина.

– Я тоже есть хочу!

– Хорошо, – Полетаев полез в карман. – Могу предложить еще пятьсот рублей. Тысячу максимум: неподалеку есть хороший ресторан.

В груди появилась нехорошая тяжесть.

– Я не нуждаюсь ни в чьей благотворительности. Тем более в твоей.

Полетаев спорить не стал и убрал кошелек в карман.

– Прекрасно – сэкономлю полторы тысячи. До свидания.

– Значит, ты меня выгоняешь?

– Точно.

Даша отказывалась верить происходящему. Мало того что она пришла сама, да еще такая красивая, так к ней относятся, как к соседке, зашедшей за солью!

– Ладно, я уйду. Но ты никогда не узнаешь, зачем я приходила.

Обычно на подполковника такой аргумент действовал.

– Сделай одолжение. – Тот прикрыл зевок. Он выглядел абсолютно безразличным.

«Ну, ладно...»

– Всего хорошего, мсье Кервель. – Даша сделала прощальный жест в сторону Филиппа, который, в отличие от подполковника, все же испытывал смущение. – Ближайшее время меня не ищите, я уезжаю.

Ресницы Полетаева чуть дрогнули.

– В Прагу?

– Что бы я там делала?

Тот осклабился:

– Сидя в теплом кресле, изучала генеалогическое древо. Оно у тебя развесистое.

– Это можно делать и в Москве, – мстительно заявила Даша. – Есть тут один неплохой райончик. Очень интересный с точки зрения генеалогии...

Изменившись в лице, Полетаев вдруг схватил ее за талию и вытолкнул в коридор. Дверь в гостиную он плотно прикрыл, очевидно не желая травмировать француза грубыми выкриками.

– Скажи, ты вообще нормальная?

Даша вскинулась. Никогда еще подполковник так с ней не обращался.

– Что ты сказал?!

– С удовольствием. У тебя с головой все в порядке?

– По какому праву ты мне хамишь?

– Зачем ты поехала в Лефортово?

– Ах! – Молодая женщина отступила на шаг и приложила ладонь ко рту. – Так все-таки это ты следишь за мной!

– За тобой уследишь, пожалуй. Научилась замечать следы лучше всякого профессионала. – Он бросил взгляд на прикрытую дверь и понизил голос: – Я хочу знать, зачем ты это делала.

– Что делала? – От удивления Даша позабыла, что сердится.

– Пыталась замести следы, – зло повторил Полетаев.

– Я пыталась замечать следы? О чем ты говоришь?

– Ой, не надо! – Подполковник отмахнулся, показывая, что не намерен верить ее объяснениям. – Тогда зачем ты

пять минут ловко прыгала из трамвая в трамвай, пока не оторвалась?

Молодая женщина некоторое время молчала, видимо, пытаясь понять, что имеет в виду подполковник.

– Ты с кем сейчас разговариваешь?

– С тобой! – прошипел Полетаев. – Не строй из себя дуручку. Ты зачем по трамваям шныряла? Издевалась?

– По каким трамваям? Ты что, с ума сошел?

– На «Семеновской»? Или, скажешь, тебя там не было?

Только теперь она начала понимать, в чем дело.

– Ах вот ты о чем... Да я просто номером ошиблась.

– Четыре раза подряд?

Разумеется, тому, кто перемещается по матушке-Москве на машине, тяжело понять человека, оказавшегося в незнакомом районе на остановке, с которой в четыре стороны уходит двадцать трамваев. Но ты попробуй ему это докажи!

Набрав в легкие воздуха, Даша затарахтела:

– Это не моя вина! Я пыталась узнать, какой номер идет туда, куда мне надо. И каждый раз мне говорили разное. А трамваи там останавливаются один за другим. Получилось, что второй, в который я зашла, был нужным, но об этом мне сказали только в четвертом, по счастью, второй еще не отошел – я заскочила буквально в последнюю секунду, хотя он и шел в другую сторону. Но...

Полетаев нахмурился:

– Так ты не собиралась сбегать?

– От кого?

Тот отмахнулся:

– Я все понял. Тогда вернемся к началу: зачем ты туда ездила?

– В музей, я там встретилась... – Осекшись на полуслове, Даша коротко усмехнулась. Полетаев, как всегда, своими штучками вытянул из нее то, что хотел. – Это не имеет значения.

– Имеет. Повторяю вопрос: с кем ты там встретилась? С мужчиной? С женщиной?

– С мужчиной! Ну и что?

– Кто он?

– Какая тебе разница? Он не имеет никакого отношения к этим убийствам. Он парализован.

– Лучше бы тебя парализовало! Лежала и не двигалась. Как его имя?

Даша молчала.

– Как его имя?! – заорал подполковник.

– Миллер! Из Немецкого музея. – Какая разница, он все равно узнает.

– Из Немецкого музея? – В голосе послышалось сомнение. – Чего ты там забыла?

– Хотела получить консультацию.

– На тему?

– Своего генеалогического древа. Имею право.

Полетаев продолжал сомневаться. И хотя объяснение вы-

глядело более, чем правдоподобно, он просто не привык доверять рыжеволосой подруге.

– Опять сочиняешь?

– Мы можем обсудить эту тему.

Разумеется, Даша не собиралась ничего обсуждать, но, во-первых, она не для того красилась, чтобы ее выгнали, а во-вторых, внезапная дружба француза и человека в погонах, хоть и без погон, не могла не настораживать. Что-то здесь было не так.

– Я для того и пришла: с тобой посоветоваться.

Полетаев опять посмотрел на дверь, ведущую в столовую.

– А другого времени ты найти не могла?

– Я никак не пойму, – Даша ехидно понизила голос, – у вас что, свидание?

На мужественном лице не дрогнул ни единый мускул.

– Допустим.

Даша охнула:

– Свидание?!

– Это запрещено?

– Но... он же мужчина!

– И что?

– Подожди, подожди, – Даша выставила вперед ладонь. – Уж не хочешь ли ты сказать, что ты и он... Что вы... Подполковник смотрел на собеседницу без вызова, даже с любопытством.

– Что?

– Ну... что вы...

– Что, что?

Даша поняла, что на прямой вопрос у нее духу не хватит, решила зайти с другой стороны:

– А что вы собирались делать?

– Я уже сказал: ужинать.

– Вдвоем?

– А что в этом предосудительного?

– Ужинать? Вдвоем с мужчиной?

– Да, вдвоем! Да, ужинать! Да, с мужчиной! – Полетаев снова стал заводиться. – А как ты думаешь, для чего люди всех полов и возрастов время от времени садятся за накрытый стол?

Даша прищурилась:

– Но если вы собирались только ужинать, то чем я могу вам помешать?

– Ты портишь порядочным людям аппетит.

– Хорошо, я буду молчать.

Полетаев присел на банкетку и, глядя на собеседницу снизу вверх, спокойно поинтересовался:

– Ты зачем пришла?

– Поговорить... – автоматически ответила Даша и тут же спохватилась: – Нет, не в том смысле!

– Так, все. – Полетаев встал и, взяв за плечи, принялся подталкивать к выходу. – До свидания.

– Мне жить негде!

– У тебя лучший номер в Москве.

– Так Филипп же съехал!

– Он не съехал, а просто пару дней хочет пожить у меня.

Так что королевские апартаменты полностью в твоём распоряжении.

– Значит, тебе наплевать, что я нарядилась и надела платье? – Это было почти унижительно, но это был последний козырь.

Подполковник прикоснулся губами к её уху и тихо прошептал:

– Лично мне ты больше нравишься без платья. Но в другой раз.

«В каком смысле?» – хотела было спросить растерявшаяся женщина, но дверь захлопнулась и стало ясно, что открыть её теперь можно будет только с помощью динамита.

Глава 26

1

Морозец хватал за плечи, едва прикрытые красивой, но бессмысленно тонкой тканью осеннего плаща. Однако холода она не ощущала: душила обида. Один мужчина променял её на другого, что может быть оскорбительнее?

«Вот отдамся первому встречному, будут знать...»

Запахнув плащик и сунув замерзшие ладони под мышки, Даша брела по улице, с надеждой вглядываясь в лица

первых встречных. Казалось, она твердо решила выполнить свою угрозу. Но уже минут через пятнадцать поняла, что не так уж она и обижена. Единственный более или менее симпатичный мужчина пробежал мимо, не кинув в ее сторону даже беглого взгляда.

«Не больно-то и хотелось, – подумала Даша и подняла руку, останавливая такси. – Сейчас вернусь в номер и выпью все, что найду в баре. Все веселее, чем выслушивать какие-нибудь пошлости».

Упав на заднее сиденье, она прикрыла глаза.

«Но почему не звонит Кудрявый?»

Таксист с подозрением осмотрел не по сезону одетую пассажирку и попросил оплатить вперед.

– Неужели я выгляжу настолько неплатежеспособной? – иронично поинтересовалась Даша, протягивая деньги.

– Знаю я, как вы выглядите, – пробормотал таксист. – Привезешь к гостинице, а там сутенер ствол к башке приставит вместо денег.

Даша даже не обиделась. Ей стало смешно – более гнусного завершения дня придумать было сложно.

– Вы думаете, что я проститутка?

Таксист промолчал. Ему заплатили, а уж каким способом были заработаны эти деньги – безразлично.

Даша смотрела в окно. Москва пролетала разноцветными огнями витрин, вывесок казино и ресторанов. Она была накрашена, в платье, у нее были деньги, полно свободного вре-

мени, но не было самого главного: человека, способного сказать хотя бы одно теплое слово, чуть сжать руку...

– Это не ваш телефон звонит?

– Что?

– Мобильный звонит. Не мой.

Даша нащупала сумку и расстегнула ее. Звук усилился.

– Алло?

Сквозь треск и шум помех послышался знакомый бодрый голос:

– Дарья Николаевна, голубушка, я вам уже минут пять названиваю...

– Здравствуйте, Генрих Рейнгольдович, я в машине еду, не слышала...

– А я ведь вспомнил ее фамилию.

– Чью? – не сразу поняла Даша.

– Второй жены вашего деда – Галины.

– А-а-а... – Вот чудак, целый день мучился. – И как же ее звали после развода?

– Новикова. Галина Семеновна Новикова. Я помог вам?

Даша слабо улыбнулась:

– Даже не представляете как.

– А голосок у вас грустный.

– Поводов для веселья мало.

– Это у вас-то? – тот, казалось, был искренне удивлен. – У такой красавицы?

Кончиками пальцев Даша прикрыла глаза, ей хотелось

плакать.

– Вы единственный, кто это замечает.

– Вы просто кокетничаете. Вы уже заглядывали в Интернет?

– Пока еще нет. – Даша заставила голос звучать твердо. Не хотелось выглядеть истеричкой. – Никак не могу созвониться с одним человеком.

– Жаль, – Миллер помолчал. – Надеялся услышать что-нибудь новое. Вы уж держите меня в курсе, голубушка.

– Непременно, Генрих Рейнгольдович, – она почти успокоилась, – как только узнаю, сразу же перезвоню.

– Тогда желаю вам здравствовать.

– Всего хорошего.

Убрав телефон, Даша подалась вперед, к водителю.

– Простите, я передумала, – сказала она.

Звонок генеалога привел ее в чувство: в гостинице делать нечего, надо ехать к Кудрявому и поджидать программиста там. Куда он денется, ночевать все равно домой придет...

Таксист резко затормозил.

– Здесь выйдете?

– Нет. Отвезите меня на Юго-запад. – И, заметив в зеркало заднего вида недоверчивый взгляд, невольно засмеялась: – Да не пугайтесь вы так. Я заплачу вперед.

2

С тех пор как Даша последний раз была в гостях у Вале-

ры, здесь мало что изменилось: полное отсутствие мебели, невероятное количество техники.

– Извини, что без предупреждения. Надеюсь, ты меня не выгонишь?

Как и следовало ожидать, программист был дома. Даша перешагнула порог и по-сиротски присела на стул возле двери. Плащ она снимать не стала.

– Угу, – Валера махнул рукой, – тебя, пожалуй, выгонишь. Специально ведь не брал телефон. Ну раздевайся, коли пришла...

«Разденусь, разденусь, не беспокойся...»

Разумеется, это было ударом ниже пояса. Неискушенный программист – это вам не прошедший огонь и воду боец невидимого фронта, но сейчас Даше необходимо было реабилитироваться хотя бы в собственных глазах. В крайнем случае ее поступок сделает негостеприимного хозяина сговорчивее.

Предвкушая удовольствие, она встала и, повернувшись к Кудрявому спиной, медленно повела плечом. Шелковая подкладка, которой нечем и не за что было цепляться, скользнула по голым плечам, и плащ с легким шорохом упал на пол. Заметив, что одежда гостыи падает на пол, Валера протянул было руки, но, увидев перед собой обнаженную до талии спину, так и застыл с растопыренными руками.

Добившись необходимого эффекта, Даша повернула к ошалевшему программисту аккуратный профиль:

– Так ты поможешь мне раздеться?

Валера сглотнул. Глаза его косили в обе стороны.

– В каком смысле?

Острый мысок туфли указал на лежащий плащ.

– Он так и будет здесь валяться?

– Ах да, прости! – Все еще не пришедший в себя, программист бросился пристраивать плащ на вешалку – А ты куда-то собиралась? – Он по-прежнему старался смотреть или в глаза гостю, или куда-нибудь в сторону.

Даша ответила не сразу. Она прошла по комнате и села в кресло, но села совсем иначе, чем минуту назад. Проведя ладонями сверху вниз, огладила узкое платье, обозначая контуры фигуры, и плавно опустилась на сиденье. Положив ногу на ногу, она позволила разрезу обнажить стройную ногу ровно настолько, насколько допускали приличия и душевное состояние хозяина квартиры.

– Куда я собиралась? Да к тебе, конечно...

– Это тоже для меня? – Валера жестом изобразил декольте до ремня. Он хоть и был человеком неискушенным, но все же заподозрил гостью в лукавстве.

Однако с рыжеволосой в этой дисциплине тягаться было не легко. Глянув на Кудрявого из-под ресниц невинно-удивленным взглядом, она сложила губы бантиком.

– Возможно, сегодня я чуть наряднее, чем обычно, но не настолько же...

Валера хмыкнул:

– «Не настолько же»... Последний раз, когда ты была в этой квартире, из всей одежды на тебе был только парик и очень грязное белье.

Даша вспыхнула. Всю томность, как рукой сняло.

– Давай не будем о прошлом.

– Давай не будем. – Валера согласно кивнул. – Пиво хочешь? А, черт, забыл, что ты не пьешь.

– Почему это не пью? – Гостья принялась обмахиваться ковриком для мыши, словно веером. – Пива не пью, но вино или шампанское – с удовольствием. Тем более с тобой...

Валера, от греха подальше, поспешил на кухню.

– Должен тебя огорчить, – прокричал он оттуда.

Даша рассматривала рисунок коврика: блондинка с автоматом и бюстом такого размера, что было непонятно, зачем ей вообще оружие.

– Ты слышишь?

– Слышу: ты должен меня огорчить. Вина нет?

– Вино есть. – Хлопнул холодильник, послышался звон бокалов. – Наследников у твоей старушки нет, по крайней мере в Интернете. Прочесал все вдоль и поперек, никого подходящего. Так что, если хочешь, можем поставить какой-нибудь блокбастер и оттянуться...

Договорить Кудрявому не удалось. Сорвавшись с места, Даша через секунду стояла рядом с ним на кухне.

– Так ты все-таки искал?

– Я же обещал. – Валера протянул гостье высокий бокал.

– Но почему тогда не перезвонил?

– А зачем? Никакой полезной информации у меня нет, а ты бы меня живьем съела. Так что насчет фильма?

– Успеешь еще. – Даша отмахнулась. – А пока придется немного поработать: у меня появилась дополнительная информация.

Валера застонал:

– Блин, какая же ты, Рыжая, активная! Я только собрался расслабиться.

– В гробу. Все в гробу.

– Что – в гробу?

– Расслабишься. Сейчас необходимо отыскать одну женщину. Шансов, откровенно говоря, мало, но...

Валера потряс головой:

– То тебе мужчин, то теперь женщин! Кого ты там все время ищешь?

– Объясню в процессе. Но искать надо прямо сейчас.

– Опять твои Вельбахи?

– И да, и нет, – Даше не хотелось казаться скрытной, но и вряд ли стоило болтать лишнее, – Какое-то время эта дама была супругой одного из Вельбахов. Ее зовут или, вернее, звали... – Заметив, как дернулся подбородок у программиста, поспешила его успокоить: – Не пугайся, никто ее не убивал, просто давно это было. Так вот, ее звали Галина Семеновна Новикова. Кстати, если это поможет, она была актрисой.

Сошедшиеся на переносице брови собеседника свидетельствовали, что он ей не слишком верит. Ну или что не слишком силен в открывании винных бутылок.

– Класс! – тем не менее заявил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Имя такое редкое. Найдем за пять минут.

Даша укоризненно покачала головой:

– Ирония здесь неуместна.

Выдернув наконец пробку, Валера налил вина себе и гостю.

– А если без иронии, то это полный бред. Во-первых, Новиковых Галин может быть миллион, а во-вторых, если она жила давно, то скорее всего в Интернете о ней никакой информации не будет. Почему тебе не попытаться разыскать ее через архив?

Даша молитвенно сложила ладони:

– Валера, я буду твоей должницей на всю оставшуюся жизнь. Вот ночью меня о чем-нибудь попросишь – мертвая встану и приду.

Кудрявый подозрительно скосил глаза:

– Мертвая? Ночью? Ну на хрен.

– Ну хорошо, днем...

Хозяин обреченно вздохнул:

– Ну почему ты позвонила именно мне?

– Я звонила не только тебе, но только ты... – и смущенно замолчала.

– ...Оказался таким ослом, что согласился. Да?

– Ты ангел, – нежно возразила рыжеволосая гостья.

– Может, я, конечно, и ангел, но в любом случае не Господь Бог. – продолжал упорствовать Валера. – Информации мало. Галин Новиковых, связанных с театром, может оказаться или слишком много, или не оказаться совсем. Только время зря потрачу.

Даша задумалась. Она искала как новые аргументы, так и новые идеи.

– Слушай...

– Что еще?

– А поищи-ка ты на серверах, связанных с морской тематикой.

– Это почему?

– Что – почему?

– Почему именно морской?

– Ну, во-первых, муж этой Галины, Вельбах, был моряком. А во-вторых, от него она сбежала тоже с каким-то капитаном. Кстати, это почему-то вызвало большой скандал.

– Насчет скандала не знаю, – возразил Валера, – но вот по поводу капитана... Почему именно моряк? Может, просто военный в чине капитана?

Даша покачала головой:

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Потому что в декабре 1917 года все царские чины, зва-

ния и титулы были упразднены.

– И что?

– И то. Такой должности...

– Чина.

– Ну чина. Так вот, такого чина – капитан – не существовало.

– До войны?

– До 1935 года. А развод наверняка состоялся раньше.

– Ладно, – проворчал Кудрявый. Люди, обладающие знаниями, автоматически вызывали у него уважение. – Попробовать попробую, но ничего не обещаю. И вот еще: я иду работать, а ты готовишь мне ужин. Я сегодня затарился по полной программе, так что можешь дать простор фантазии. Идет?

– Ты еще спрашиваешь! – Даша обняла сговорчивого товарища. – Заказывай, что хочешь иметь на ужин.

3

Весело напевая, кухарка поливала кролика белым вином. Прошло уже полутора часов, а Валера даже не привстал со своего места, лишь изредка требуя очередное пиво. Подобный трудовой энтузиазм только радовал. Украсив последний салат, Даша наконец отважилась потревожить программиста. Но когда она осторожно заглянула ему через плечо, то с трудом удержалась от крепкого выражения. Валера увлеченно играл в рэндзю.

– Да у тебя совесть есть?! Я там над кролями надрываюсь, а ты в чемпионате мира по крестикам-ноликам участвуешь!

– Это рэндзю, – не поворачивая головы, ответил Валера.

– Я знаю. Все равно. Я тебя о чем просила?

– Подожди минутку, – Кудрявый по-прежнему не соби-
рался оправдываться, – сейчас мы договорим...

Присмотревшись, Даша заметила, что рядом с полем игры находится окошко чата.

– Так ты еще и трепешься!

– Это офицер иммиграционной службы из Сан-Францис-
ко. Клевый перец.

– Я рада за него.

Поняв, что извинений не последует, Даша развернулась и ушагала на кухню. Провались они все пропадом! Сейчас она съест кролика и...

Но не успела молодая женщина засунуть в рот первый ку-
сок, как появился Валера.

– Ты чего – обиделась? Для тебя же стараюсь, чучело.

– Сам ты...

– Ладно, танцуй: нашел я твою Галину Новикову.

Даша подозрительно прищурилась:

– А как узнал, что это именно та?

– Элементарно: ее предыдущая фамилия Вельбах.

– О!

– Ого.

Несмотря на радость известия, рыжеволосого детектива

все же что-то смущало.

– А почему ты не нашел ее раньше? Ты говорил, что делал запрос на фамилию Вельбах...

Валера снисходительно улыбнулся.

– Я такой глупости сказать не мог. – И пояснил: – Просто сделать запрос – этого недостаточно. Надо точно знать, что искать.

Взяв ложку, Даша принялась медленно перемешивать салат. Глаза были грустными и недоверчивыми.

– Разве нельзя просто набрать имя и дать команду «фас»?

Коротко рассмеявшись, программист придвинул ногой табурет.

– Можно. Но в большинстве случаев бессмысленно. Например, на твой запрос компьютер может выплюнуть миллион страниц. Или нужная страница вообще окажется не проиндексированной. Или вот: фамилию Вельбах я искал в русском написании, а она оказалась в латинской транскрипции. Understand?

– Йес. – руки подрагивали от нетерпения. – Так что, Га-лина, она... жива?

Валера зевнул:

– Нет, конечно. Она умерла. В Сан-Франциско.

Молодая женщина охнула:

– В Сан-Франциско?! Господи, там-то как она оказалась?

– Прибыла на корабле с капитаном дальнего плавания.

– На корабле?

– Ну не на самолете точно. – Валера потянулся за кроликом. – 12 августа 1933 года в порт Сан-Франциско прибыл корабль. В списке пассажиров числилось восемь человек умерших. Какая-то эпидемия, что ли...

Растерянным жестом Даша заправила волосы за уши.

– Подожди, о чем ты говоришь?

– ...Среди прочих в списке умерших числились два человека: Галина Новикова и Мария Вельбах, судя по разнице в возрасте, полагаю, ее дочь.

Даша хлопнула себя по лбу.

– Черт побери, это точно она! А сын?

– Чей сын? – Валера осматривал блюдо с кроликом, словно удав.

– Да Галины! У нее же еще был сын.

– Про сына ничего не знаю. – Программист отрезал кусочек спинки, положил в рот и зажмурился: – Супер! Почти как в нашей столовой.

От неожиданности Даша забыла, о чем хотела спросить.

– Что ты сейчас сказал?

– Я говорю: как в нашей столовой, – прочавкал Кудрявый.

Лицо кухарки приняло неопределенное выражение: немного растерянное и в то же время недоброе.

– Это как же воспринимать? Как комплимент или повод для драки?

– Конечно, как комплимент, – Программист, казалось, даже обиделся. – Да ты должна прыгать от радости.

– Прыгать от радости, что готовлю, как в столовой?! Ты что, чипсов из белены наелся?

– Да у нас работает лучший в мире повар! – возмутился Валера. – К нам со всей Москвы люди обедать приезжают. Ни в одном ресторане так не накормят. А уж как он кролей готовит... Ты почти также.

– Да? – Даша посмотрела на кролика, словно сама родила его и вырастила. – Ну тогда ладно. Успокоил. – И снова ее мысль вернулась к делам семейным. – Послушай, у Галины был сын, возможно, даже два. О нем информация есть? Он остался жив? Или вообще не плыл на этом корабле?

Кудрявый пожал плечами:

– Понятия не имею. И возможно, об этом мы не узнаем никогда.

– Почему?

– В России следов никаких, а в Америке я нашел сведения только о Галине и о ее дочери. В виде свидетельств о смерти.

Даша положила подбородок на сложенные руки.

– А что если мальчик остался жив? – пробормотала она.
– Раз его в списке нет, то...

– Вот этого я не знаю. – Валера взялся за салатницу. – Думаешь, он и есть пропавший наследник?

– Может быть. – Даша задумчиво рассматривала кухонные полки. – Во всяком случае, для меня это было бы спасением свыше.

– Это еще почему? – И тут же предложил: – А на фига

тебе вообще кого-то искать. Давай лучше меня старушке со-
сватаем – я себе за полчаса такое гинекологическое дерево в
Интернете выращу, от настоящего не отличишь.

– Генеалогическое. К сожалению, нельзя.

– А жаль. – Валера приподнял пивную бутылку и стукнул
о Дашин бокал с вином. – Ваше здоровье, мадам. А то могли
бы наследство разделить. И нам хорошо, и старушке поми-
рать веселее.

– Да ей и так не грустно, – вздохнула Даша. – Ладно, при-
дется все рассказать, скрывать уже не имеет смысла. – Она
уселась поудобнее, – Вельбах – это мой дед. – И сразу же,
предупреждая набивший оскомину вопрос, пояснила: – Но
по завещанию наследовать могут только мужчины с сыно-
вьями, так что я наследником стать никак не могу. Так вот,
мой дед был женат три раза. От первого брака... – Здесь она
споткнулась. – К сожалению, от первого брака наследников,
скорее всего не осталось. В третьем мужчина только один
– мой отец. А вот о втором браке до сегодняшнего дня бы-
ли только предположения. И смутная информация, что ро-
дилось в нем минимум двое детей: девочка и мальчик, хотя,
возможно, мальчиков было и двое. Из косвенного источника
я узнала, что вторую жену деда звали Галина, она, как я уже
говорила, была актрисой или певицей, но развелась с ним и
исчезла в неизвестном направлении вместе с детьми. И вот
теперь, благодаря тебе, кое-что проясняется: получается, она
с новым мужем сбежала в Сан-Франциско. Остается только

узнать, что стало с ее сыном.

– Ой, не нравится мне все это... – захныкал программист.

– Наследство-то большое?

– Несколько миллионов.

Кудрявый погрузился.

– Грохнут тебя, Рыжая. И меня заодно. Кстати, а что с твоим... как его... Ну товарищ в штатском, который за тобой увивался?

Даша почувствовала, как краска заливает конопатые щеки:

– Чего ты вдруг про него вспомнил?

– Интересно. Чего ты к нему первому не пошла? У него и пистолет в штанах, и возможностей больше. Да я по сравнению с ним...

– Ты умнее, – сухо оборвала гостя. – А что касается штанов...

– Короче, он тебя послал? – Валера с пониманием смотрел на сотрапезницу.

Румянец стал гуще.

– Ты поможешь или нет?

– Сейчас доем и пойду искать. Иначе ты же отсюда не уедешь, а?

– Не уеду. Или я обнаружу этого чертова наследника, или мне крышка.

Валера сдвинул тарелку:

– Ты же сказала, что в дележе наследства женщины уча-

ствия не принимают.

– Да. Но у меня есть отец. Мужчина, если ты не в курсе.

– И что?

– И то. – Она прекрасно понимала, как может поступить Кудрявый, стоит ей обо всем рассказать. Поэтому постаралась тему свернуть. – Возможно, он станет наследником, но надо убедиться, что больше никого не осталось. Согласись, глупо вселиться в замок, жить там, как ни иголках, а лет через пять оказаться у разбитого корыта. Уж лучше сразу выяснить, что к чему.

Валера смотрел на нее взглядом кролика, когда за ним пришли. Подобной наглости он не ожидал.

– Так это ради твоих миллионов я должен...

Даша ладонью прикрыла программисту рот. Проведя рукой по наспех выбритой щеке, она произнесла, глядя в глаза:

– Если я за сегодняшнюю ночь не найду сына Галины, то завтра солнце для меня может взойти с другой стороны. Валерочка, я сейчас способна на все. Поэтому ты не только всю ночь будешь искать пропавшего мальчика, но и везде – слышишь, везде, где только можно, разместишь информацию о том, что он существует.

Валера осторожно убрал ее ладонь от своего лица:

– Я с сумасшедшими не спорю.

– Что это значит? – по голой спине пробежал холодок.

– Это значит я пойду и найду твоего мальчика. – Кудрявый встал и подтянул джинсы. – В крайнем случае, рожу его

сам.

Уже дойдя до двери, он обернулся, посмотрел на гостью заинтересованным взглядом:

– Кстати, что ты подразумевала, когда говорила, что способна на все?

Даша устало улыбнулась:

– Абсолютно на все. На все, кроме убийства и секса. Так что иди, куда шел.

Лицо Валеры напоминало разочарованного блаухаунда.

– А как хорошо начиналось...

Глава 27

1

Проснулась Даша в странном настроении. Так бывает, когда накануне вы получили плохое известие, но на время сна забыли, какое именно. И, едва открыв глаза, вы точно знаете, что случилось что-то нехорошее, но никак не можете вспомнить, что именно.

– Рыжая, – послышался недовольный голос программиста, – ты проснулась? Подъем! Времени много, а я кофе хочу.

«Я-то здесь при чем?» – подумала Даша, но почти сразу поняла: она спала на кухне, и бедный Валера сидел в своей комнате, как в капкане, без еды и пива.

– Уже! – отозвалась она хрипловатым голосом. – Можешь заходить, я в майке.

Из-за дверного косяка появилась физиономия программиста.

– Привет. Ну ты и спишь!

– Чего я сплю? В четыре легла, а сейчас половина девятого, – она зевнула. – Я вообще забыла, когда спала нормально... Как дела?

– Во! – Валера показал большой палец. – С тебя две штуки.

– Иди ты! – Забыв, что лежит в одной майке, она подскочила. – Неужели нашел?

– Представь себе.

– Ты шутишь?

– Отнюдь. Ты, кстати, вставать собираешься? Я есть хочу.

– Он выразительно посмотрел на холодильник.

– Да-да! – Даша сделала жест рукой, словно выметая программиста из его собственной кухни. – Выйди на секундочку. Я оденусь...

То ли ворча, то ли урча пустым желудком, Кудрявый удалился с недовольным видом. Даша быстро собрала диван, прыгнула в тренировочный костюм, отобранный накануне у хозяина, пятерней расчесала волосы.

– Заходи!

Валера появился с пакетом чипсов в одной руке и с листочком бумаги – в другой.

– Ты меня вчера до слез проняла, – прохрустел он. – Я просто не мог пойти спать, работал до рассвета.

– Ты святой!

Кудрявый погладил сам себя по голове.

– Валера хороший, Валера умница! – И хитровато глянул на гостью. – Я посмотрю, что ты скажешь, когда узнаешь, кого я нашел.

Облизнув губы, Даша сжала воротник спортивной куртки.

– Кого?

– Правнука Галины. То есть твоего племянника. Даша приложила руки к груди.

– О, Боже... Он... жив?

– Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

– Его фамилия Бородин?

– Нет. Это стишок. А его фамилия Титаевский. Богдан Титаевский. Живет в Киеве.

В рыжей голове, словно шарики в барабане лотереи, запрыгали мысли: фамилия другая, живет в Киеве, не сын, а правнук... Как-то подозрительно. А может, это Кудрявый воду мутит, пытается наследство прикарманить? Списался с каким-нибудь своим знакомым и теперь морочит ей голову?

– И как же ты его нашел? – как можно равнодушнее спросила она.

Несмотря на зародившиеся сомнения, ей не хотелось понапрасну обижать программиста. Достав из холодильника ветчину, она принялась готовить бутерброды. Валера или делал вид, или так уработался за ночь, что действительно не заметил перемены настроения своей гостью. Он широко, с

хрустом, зевнул.

– Сложным путем. Этот Титаевский наследил в одном чате.

– А конкретнее? – Даша все еще пыталась определить свое отношение к сенсационной новости.

– Два года назад, Титаевский разместил объявление: «Ищу любые сведения о своей прабабушке Галине Новиковой, в 30-х годах была актрисой кабаре „Летучая мышь“. Прикинул, вроде по возрасту подходит, опять же актриса. Попытался связаться с автором, но электронный адрес, который он оставил, уже не существовал, так что пришлось постараться. Но нашел.

– И как же?

– Через «аську».

– Через какую Аську? – удивленно переспросила Даша, но сразу же догадалась: – Через ICQ, что ли?

– Да. Только на его номере сидел кто-то другой, так что пришлось полчаса гладить уши этому чайнику, чтобы он перезвонил Титаевскому...

– Так ведь ночь же была, – ужаснулась Даша.

– Тоже мне, проблема! – Кудрявый ожесточенно тер левый глаз. – Короче, сначала ломался, как девочка, потом просто дал его телефон. Я позвонил, тот меня обматерил... В общем, все как полагается... – Он посмотрел на доску. – Да режь, как получается, главное, быстрее – у меня уже желудок к позвоночнику прилип.

– Терпи. И что дальше?

– И все. Я спросил: он ли писал сообщение про Галину Новикову, точно ли приходится ей родственником, а больше ничего говорить не стал. Сказал, что в Москве есть человек, который хочет с ним пообщаться и как только ты проснешься, сразу свяжешься.

Даша поставила тарелку с бутербродами на стол и пристально посмотрела на Кудрявого.

– Валера, скажи честно, ты не врешь?

Программист захлопал красными глазами:

– Чего?

– Ты меня не разыгрываешь?

– Мне че, делать нечего? – обиделся тот. – Меня уже, блин, пополам скрючило, а ты...

– Ладно, ладно, – Даша примирительно придвинула тарелку с едой поближе, – ты ведь главного не знаешь.

– Главного? – Кудрявый потянулся за бутербродом.

– Из-за этого наследства убили несколько человек.

Тарелка медленно падала на пол. Программист тупо смотрел на разлетевшиеся по полу бутерброды. Некоторое время слышно было только работавший телевизор.

– Ты издеваешься? – прошипел Кудрявый. – Почему сразу не сказала?

– Тогда ты согласился бы мне помочь?

– Тогда я тебя даже на порог бы не пустил! – он вскочил и принялся бегать по кухне, топча бутерброды. – Что я тебе

плохого сделал?!

– Валера, Валерочка, успокойся! – без особого успеха она пыталась утихомирить разбушевавшегося хозяина.

– Да иди ты к черту! Ты же поклялась, что никакого криминала...

– Криминала никакого и не было. Все списали на несчастные случаи. Может, это они и были. Дело в том, что существует фамильное проклятие...

– Чего?!

– Одного их моих предков проклинали и...

– Да провались ты пропадом и с наследством, и с проклятиями! – Дрожа от негодования, Валера сначала налил себе кофе, затем передумал, вынул из холодильника бутылку пива и сдернул крышку. – Опять убийства! Я так и знал, я одним местом чуял...

– Не факт, Валера, не факт. Но семь человек, увы, уже не увидят закат...

– Какой, к свиньям чертячим, закат?!

– К чертям свинячим, – поправила Даша. – Я тебе рассказала об этом не для того, чтобы ты на меня кричал, а чтобы дать понять, насколько все серьезно. Поэтому, спрашиваю еще раз: с Титаевским все так, как ты рассказал, или...

– Иди в жопу, – Кудрявый все еще никак не мог прийти в себя.

Нет, похоже, программист ее не разыгрывал.

– Ну хорошо. А этот племянник, он не показался тебе...

подозрительным?

– Он спал. – Кудрявый грохнул бутылкой по столу. – Он показался мне грубым.

– Это поначалу. Тебе, например, не показалось, что он ждал твоего звонка...

– В три ночи?

– Я имею в виду сам факт.

– Нет, – Валера потихоньку успокаивался. – Он вообще, по-моему, так и не понял, в чем дело.

– Но это же он разместил сообщение?

– Он сказал, что сейчас плохо соображает и чтобы перезвонили утром. Вот тебе номер телефона, иди звони. Но это последнее, что я для тебя сделал.

И толкнул через стол лист бумаги.

2

Даша боялась, что трубку никто не снимет, и в то же время не представляла, о чем будет говорить. Каждый гудок отзывался в ушах пронзительным звоном.

– Алло?

– Здравствуйте, – она кашлянула. – Это вас из Москвы беспокоят.

– Я понял. – Голос стал чуть тише, говорящий, видимо, устраивался поудобнее. – Ночью звонил какой-то псих.

– Да, это я его попросила. Извините.

– Ладно... Вы, что-то знаете о моей прабабушке?

– Ну, «знаю» это громко сказано... Нам необходимо встретиться.

Титаевский молчал.

– Вы ведь не думаете, что она жива? – спросил он.

– Нет, я так не думаю, – ответила Даша.

– Это как-то связано с моими родителями?

– Естественно.

– Так говорите же, – в голосе слышалось нетерпение.

По телефону о наследстве говорить не совсем хотелось. Достаточно прошлых ошибок.

– Мы можем встретиться?

– Можем. Если вы, конечно, приедете в Киев.

– А вам в Москву никак? – В Киеве Даша была всего один раз, к тому же очень давно, и потому растерялась.

– Извините, не могу. У меня работа.

– Но ведь это вы хотели узнать о своей прабабушке. – Она все еще не оставляла надежды выманить его в Москву.

– Но ведь это вы хотите мне о ней рассказать, – парировал Титаевский.

– А если я не смогу приехать? – Даша решила проверить его.

Трубка вздохнула:

– Вы даже не сказали, как вас зовут.

– Извините. Меня зовут Даша.

– Даша, я в самом деле очень хочу узнать о своих предках, но сейчас у меня просто нет свободного времени. Я плани-

ровал приехать в Москву к майским...

– Но сейчас же октябрь! – испугалась Даша.

– Я в курсе. Но раньше никак не получится.

Мягкий голос располагал. Чувствовалось, что этот Титаевский спокойный, уравновешенный человек.

«Интересно, а сколько ему лет?» – подумала Даша, но вслух спросила:

– Хорошо, а если я приеду к вам, скажем... в конце недели?

– Только не на выходные, – сразу ответил Богдан. – Я по выходным работаю.

– Значит, в начале следующей?

– Можно попробовать.

– Хорошо, договорились. Как только я определюсь со временем, сразу перезвоню.

– Буду ждать.

Нажав отбой, она задумалась. Очевидно, что Титаевский воспринял ее предложение без особого энтузиазма.

3

Даша меланхолично пережевывала ветчину.

– ...Если допустить тот факт, что сын Галины покинул Родину вместе с ней, то интересно, как его потомки в Киеве оказались? Вернулись из Америки?

– Почему нет?

– Странно. При социализме все вроде мигрировали в одну

сторону.

– Вообще по барабану, – Валера хоть и успокоился немного, но в диалог вступать по-прежнему не стремился, – Встретиться с этим Титаевским, да узнай.

– Так-то оно так, – Даша отложила бутерброд. – Но хотелось бы для начала узнать это от человека стороннего.

– И где его взять? – спросил Кудрявый автоматически, потому как все его внимание было устремлено на кусок ветчины, с которой он что-то счищал. Возможно, это была ветчина, подобранная с пола.

– Ну, а этот твой... перец из Сан-Франциско?
Тот поднял глаза.

– Кто? А, из иммиграционного отдела... Не, даже не думай.

– Ну почему?

– По кочану. Вдруг я в Америку соберусь?

– И чего тебе там делать?

– Найду что.

– Ну, Валерочка, – Даша опять стала ласковой.

– Что?

– Раскрути его как-нибудь.

– Как?

– Не знаю. Ты же умный.

– Чего ты хочешь от него узнать?

– Плыл или не плыл сын Галины на том пароходе. Сохранилась ли в иммиграционных архивах хоть какая-нибудь ин-

формация о нем. Понимаешь, это очень важно.

Поняв, что очистить не получится, Валера со злости запульнул куском ветчины в помойное ведро:

– Не пойму, у тебя, вообще, что ли никаких пределов разумного? Если надо найти что-нибудь в Интернете – пожалуйста, хоть трое суток в сети торчать буду. Но я не могу заставить человека, которого даже и глаза не видел, выдавать мне служебную информацию.

– Да с чего ты взял, что она секретная?

– А ты почему знаешь, что она не секретная?

– Я так думаю...

– А я так не думаю.

– Но попробовать-то можешь?

– Попробовать могу.

– Вот и умница.

– Я полный идиот, – отрубил Валера. – Иначе бы сейчас с тобой не разговаривал. – И добавил просящим голосом: – Может, все-таки попробуешь добыть эту информацию другим путем?

Даша кивнула:

– Я подумаю.

На самом деле думать было не о чем. Она понятия не имела, откуда берутся такие сведения. Скорее всего, ниоткуда. И самое простое, действительно, было расспросить Титаевского о его деде и прадеде.

– Может, и вправду, в Киев махнуть...

Валера оживился:

– Да о чем тут думать? До аэропорта я тебя прям сейчас довезу.

Гостья испугалась:

– Что, прямо сейчас и лететь?

– А чего ждать? В выходные твой родственник не может. А до следующей недели он может и не дожить, – Кудрявый сделал выразительный жест. – Проклятие-то с вашей семейки еще не сняли. Так, что собирайся, поехали.

– Ой, да неудобно... – засмушалась Даша, которой на самом деле никуда не хотелось лететь.

– Удобно, удобно! – Валера оживал просто на глазах, да же забыл про грязь на ветчине – заглотнул следующий кусок вместе с пылью. – На работу позвоню, предупрежу, что задерживаюсь. Давай, допивай кофе, и поехали, с утра самолеты точно есть.

– Но все мои вещи в гостинице, – молодая женщина продолжала слабо сопротивляться. – Я же не поеду в твоём спортивном костюме или в этом платье... Моя гостиница в центре, а потом обратно на юго-запад, в аэропорт ехать. Полдня потеряем. Тебя с работы уволят.

– Не уволят. Там тебя все знают, поэтому меня поймут. Да я готов тебя целый день возить, лишь бы... – не договорив, Кудрявый одним махом влил в себя чашку кофе целиком. – Короче, я готов. Поехали.

Даша сдержанно вздохнула. Нигде и никому она не нуж-

на. Может, хотя бы племянник обрадуется? Если, конечно, убийца не доберется до него раньше.

Глава 28

1

Кто-то неистово тряс за плечо. Сон цеплялся, утягивая сознание вниз, в теплую, мягкую пропасть. Но злые тонкие руки не хотели отпускать, они тащили вверх, вытягивали, не давая возможности хоть немного насладиться покоем.

– Девушка, да что с вами? Вы меня слышите?

Даша с трудом приоткрыла глаза. Неужели нельзя дать человеку поспать?

Две стюардессы в красных костюмах и пилотках походили на сестер. Двух красивых встревоженных сестер.

– Девушка, с вами все в порядке?

– А? Что?

– Вам плохо? Вызвать «скорую»?

– Нет-нет... – Сон отступал рывками. – Просто выспаться не получается. Зачем вы меня разбудили?

– Так мы уже в Борисполе.

Слипшиеся ресницы вспорхнули перепуганными птицами.

– В Борисполе?! Почему в Борисполе?! Как я здесь оказалась?

Стюардессы переглянулись:

– А вы куда летели?

– В Киев. – Даша подтянулась в кресле и встряхнула головой. – Я точно помню, что летела в Киев...

Сестрички снова посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Так вы в Киеве.

– Но вы сказали в Борисполе...

– Аэропорт. Аэропорт называется «Борисполь». Идемте, нас ждут.

2

Аэропорт был просторным и светлым. Да и погода в Киеве была много лучше, чем в Москве. Впереди бодрыми шажками семенили важные пузатые дядьки с усами-подковами. Они играючи помахивали тяжеленными чемоданами и что-то тягуче выговаривали друг другу. С небольшой сумкой через плечо, Даша плелась еле-еле. Она чувствовала себя не выспавшейся, уставшей, и полностью опустошенной. Поиски наследников вымотали ее полностью. Ей больше ничего не хотелось – ни дедушек, ни бабушек, ни племянников, ни братьев. Хотелось просто заползти в кровать и спать, спать...

...И вдруг он и не племянник вовсе, а некий абстрактный человек, который искал некую абстрактную бабушку, полную тезку абстрактной жены ее бабушки...

«Бред какой-то».

Толстый дядька игриво подмигнул правым глазом.

«Что я вообще здесь делаю? Зачем притащилась в Киев?»

Она остановилась и с силойхватила сумкой об пол.

– Мужчина, не приставайте! Без вас тошно...

Подкова усов выгнулась в обратную сторону.

– Ось дурна баба!

Подняв сумку, дурная баба поспешила к выходу. Точно дурная. Подлый Кудрявый, пользуясь ее беспамятным состоянием, впихнул в первый попавшийся самолет и отправил куда подальше. Странно, что не в Петропавловск-Камчатский. Где всегда полночь.

Ладно. Сейчас она расспросит этого новоявленного племянника о прабабке и обратно. Передаст все сведения адвокатам Марии Андреевны и пасись оно все конем. Зачем только согласилась, чтобы он встречал ее в аэропорту? Сейчас бы добралась до первой попавшейся гостиницы и выпалась.

«Может, не встретит?..»

Может, его убили, пока она летела и...

– Дарья?

Из-за роскошного букета белоснежных лилий, обвитых диковинными синими цветами, выглянули карие с поволокой глаза.

Молодая женщина, еще секунду назад готовая улечься спать прямо на каменном полу зала прилета, моментально оживилась.

– Это мне? – она взяла букет и поднесла к лицу. – Какой запах!

– Да, если вы Дарья из Москвы.

Она улыбнулась.

– Это я. А вы...

– А я Богдан.

Усталость и апатия улетучились в один миг. Знай она, что предполагаемый племянник окажется так хорош, покрасилась бы за время полета.

– Вы Богдан Титаевский?

– Точно. – Молодой человек потянул руки. – Можно мне вас поцеловать?

– Поцеловать? Зачем?

Тот рассмеялся:

– Та в щечку, по-братски.

– Ну если по-братски... – Даша подставила щеку. – Извольте, буду только рада. Только, вы мне не брат, а племянник. – Она еще раз внимательно оглядела Богдана. – Признаться, не ожидала, что вы выглядите именно так.

– Так это как?

Глупость сморозила. Ну говорить же ему в самом деле, что он чудо как хорош.

– Ммм... Вы мало похожи на дедушку. Моего дедушку. Вашего прадеда.

Густые черные ресницы едва заметно дрогнули.

– Да. Я больше похож на прабабушку. Идем?

И не дожидаясь ответа, зашагал к выходу. Появилась возможность рассмотреть племянника со спины. Походка плавная, легкая, но немного странная. Длинные сильные ноги,

крепкий аккуратный зад, хорошо развитая спина. Шея длинная, загорелая... Затылок красивый.

«Черт, никогда ни думала, что у женщины может быть такой красивый затылок».

Богдан обернулся, тетя поспешила сделать незаинтересованное лицо.

«Ох, и хорош племянничек, ох и хорош. А рот! Боже милостивый, и зачем мужчине такой рот?» Верхнюю губу, твердую, четко очерченную, разделял небольшой бугорок, а нижнюю, чуть более полную, разламывала еле заметная перевязочка. Непозволительная роскошь даровать такие губы мужчине.

Они подошли к не новому, но чистому и ухоженному «Мерседесу».

– Прошу, – Богдан сделал широкий жест, не забыв при этом одарить спутницу чарующей улыбкой.

– Вы так красиво улыбаетесь, – от какой-то почти девичьей растерянности Даша не знала, что говорить.

– Это профессиональное. – Титаевский наклонился, чтобы помочь открыть ей дверь и его лицо оказалось совсем рядом, губы чуть дрогнули и приоткрылись.

Молодую женщину обдало жаром.

– Что? Простите, я не расслышала.

– Улыбка – часть моей профессии, – в голосе слышались едва уловимые интимные интонации. – Вы покраснели, вам нехорошо?

– Нет... То есть да. – Перед глазами вдруг все поплыло. Она схватилась за дверцу.

– Очень плохо спала последнюю неделю.

Богдан растерялся. Погасив улыбку, он неуверенно спросил:

– Что же нам делать? Может быть вы хотите, чтобы я отвез вас в гостиницу?

– В гостиницу? Нет... – она принялась массировать переносицу. – Последнее время я только и делаю, что переезжаю из одной гостиницы в другую. Не обращайтесь внимания – минутная слабость. Уже все прошло.

Она оттянула воротник свитера, дышать стало немного легче. Не стоило так тепло одеваться. К тому же, ей совсем не хотелось расставаться с таким симпатичным племянником.

– Тогда, может быть, ко мне? – неуверенно предложил Богдан. – Откровенно говоря, сразу не осмелился. Вы могли подумать...

– Да, бросьте. – Ей стало смешно. Это последнее, что она могла подумать. – Мы же родственники. Скорее, это мне неудобно. Ваши родители могут быть против.

– Их нет.

– В городе?

– Их совсем нет. Я вырос в детском доме.

Известие ошеломило. Словно обухом по голове. Так что значит, она зря сюда прилетела?

«Но как тогда он узнал о прабабке?»

– Мне жаль, – она старалась, чтобы голос прозвучал искренне. – А ваша жена?

– Жены тоже нет.

– Подруга?

Богдан с легкой улыбкой смотрел на рыжеволосую тетю.

– Я живу один. Если вас интересует именно это.

Неожиданно для себя Даша почувствовала, что краснеет.

– Вы меня неправильно поняли, – пробормотала она.

Богдан распахнул дверцу, предлагая сесть в машину:

– Тогда прошу.

3

Квартира была точной копией машины. Не богатая, но в хорошем доме и очень чистая.

– У вас очень мило. – Даша обежала глазами комнату.

Да уж. Такому порядку позавидует любая женщина. Неужели Титаевский сам поддерживает такую чистоту?

– Спасибо. Чисто потому, что я провожу здесь значительную часть свободного времени.

Даша невольно рассмеялась.

– Почему вы смеетесь?

– Там, где я провожу значительную часть своего свободного времени, о порядке можно только мечтать.

– Это от того что я мужчина, а вы женщина.

– Не вижу связи.

– Мужчине проще каждый день протирать пыль и класть

вещи на место, чем раз в неделю устраивать генеральную уборку:

Мысль поразила. До этого она была уверена в том, что генеральная уборка, побочный продукт жизнедеятельности. По крайней мере ее.

– Интересное наблюдение.

– Просто я с детства привык ухаживать за собой сам. Хотите кофе?

– Хочу. Простите, Богдан, а сколько вам лет?

Титаевский выпрямился, в карих глазах замерцала смущенная растерянность сорокалетней женщины.

– Двадцать... шесть. А на сколько я выгляжу?

«Интересно, а кем он работает?»

– Мы почти ровесники, может перейдем на «ты»?

– Давай, – Богдан обрадовался. – Сам хотел предложить, но постеснялся.

– Самостоятельный, стеснительный и симпатичный – прямо находка, а не племянник, – Даша снова огляделась.

Стены выкрашены в теплый брусничный цвет, на потолке люстра в стиле техно, такие же бра. Мебели минимум. Все очень функционально, со вкусом. На полу прямоугольный бежевый ковер с абстрактным рисунком, ухоженный паркет.

На одной из стен Даша заметила узкие полки с аккуратно расставленным округлыми камнями. По камням шла резьба.

– Это нэцке? Настоящие? – она вопросительно посмотрела на Богдана. – Можно?

Тот кивнул.

Осторожно взяв один, как показалось издали, из камней, она положила брелок на ладонь и внимательно осмотрела со всех сторон.

– Боже праведный... Это же мандзю. – Она перевела взгляд на другую полку и изменилась в лице. – О, нет... А здесь рюса. Тоже настоящая?

Богдан снова кивнул. Он был очень удивлен:

– Ты первая, кто знает, что это такое.

– Я искусствовед. Правда, бывший. Откуда они у тебя? – Даша продолжала изучать брелоки. – Увлечение не из дешевых.

– Знаю. Но они достались мне по наследству.

– Ничего себе наследство. – Осторожно вернув фигурку на место, Даша обернулась. Либо с ее памятью что-то, либо... – Но ты говорил, что воспитывался в детском доме.

– Но я же не родился сиротой, – ответ прозвучал холодно. – Отец погиб незадолго до моего рождения. Разбились на машине. Мама умерла позже.

Даша испытала чувство неловкости. Надо же быть было оказаться такой бестактной. Она отошла от полок и присела.

– Извини, пожалуйста. Я не хотела тебя задеть. Мне так жаль...

– Мне тоже, – Богдан смотрел в окно. – Когда отец погиб, мама была в роддоме. Меня рожала. Наверное, поэтому шок оказался слишком сильным... – каждое слово давалось ему с

трудом. – Она почти попала больницу. Психиатрическую...
А меня отдали в детдом.

– Господи... – Даша сама была в шоке. – И что, у тебя не было других родственников?

– Нет. Бабушка и дедушка по отцу погибли вместе с ним. Они ехали в одной машине. У мамы никого не было. В больнице она покончила с собой.

От жгучей жалости перехватило горло.

– Как жаль, что наши родители тогда не были знакомы. У тебя тогда все сложилось бы по-другому.

Богдан лишь невесело усмехнулся:

– Наверное. Но ничего, бывает и хуже. Я уже почти забыл. Со мной все хорошо.

Даша снова посмотрела на полку с нэцке.

– Это все, что тебе осталось от родителей?

– Ну почему, – он огляделся. – Еще эта квартира.

Чуть особняком стояла традиционная фигурка нэцке, изображающая двух трущихся друг о друга бегемотиков. Даша улыбнулась:

– Символ вечной любви.

– Знаю.

– Значит, ты не женат.

Взгляд с поволокой стал ускользающим.

– Почему. Я и сейчас женат.

«Что?!»

Даша вскинула голову.

– Ты же говорил, что холостой!

– Я сказал не так. Я сказал, что жены дома нет.

Точно. Именно так он и сказал. Но Даша все равно испытывала нечто похожее на обиду, нет, скорее, досаду.

– И где твоя жена?

Красивое лицо вновь поддернула грусть.

– Не знаю. Мы расстались. Поженились совсем юными, но потом оказалось...

– Не сошлись характерами? – Даше хотелось уже закончить с этими печальными семейными воспоминаниями.

– Ну, если измену можно назвать «не сошлись характерами», то да.

Еще лучше.

– Почему тогда не развелись?

Богдан пожал плечами.

– Она не настаивала, а я подумал, что так даже лучше.

– Лучше?.. А, поняла. В том смысле, что другие дамы не будут пытаться затащить в ЗАГС?

– Можно сказать и так.

– А если ты встретишь женщину, на которой захочешь жениться?

– Тогда и буду решать.

– А дети у вас были?

– У нас сын, – настроение у Богдана испортилось окончательно. – Извини, понимаю тебе хочется обо мне побольше узнать, но давай о чем-нибудь другом? Кстати, ты хотела по-

говорить о прабабушке.

Даша обхватила колено сплетенными пальцами. Против воли на лице заиграли улыбка.

Боже, неужели ее мытарствам конец?!!!

– Богдан, ты знаешь, зачем я сюда приехала?

Достав из шкафа чашки, Титаевский принялся их протирать. После небольшой паузы он пожал плечами:

– Познакомиться, наверное. Завязать отношения. Узнать о прабабушке. Рассказать о семье. Зачем еще к родственникам приезжают?

– Нет. Я здесь совершенно по иной причине. Тебе знакома фамилия Вельбах?

– Вельбах? Что-то... Нет, не знакома. – Богдан казалось чем-то расстроен или озабочен, полные, еще секунду назад такие красивые губы, вдруг стали сухими и тонкими. Даже на лице появилось несколько жестких складок. – А должна?

– Это фамилия моего и, *возможно*, и твоего деда. Моя бабушка была его третьей женой, вторую жену звали Галина Новикова. Она была актрисой или певицей. В связи с этим вопрос: если твои родители умерли, когда ты еще был очень маленьким и других родственников у тебя нет, откуда ты знаешь, как звали твою прабабку, и почему ты не знаешь, как звали ее мужа, то есть твоего прадедушку?

Ни тон, ни категоричность вопроса Титаевского не смутили. Поставив чашку на стол, он спокойно ответил:

– Когда мне исполнилось шестнадцать, директор детдома

передала мне две коробки.

– Какие коробки?

– Обыкновенные. Из-под обуви. Была такая чешская фирма «Цебо».

– И что?

– Там хранились вот эти самые нэцке, документы и фотографии.

– Что за фотографии? – Даша наострила уши.

– Могу лишь предположить, что родственников.

– И эти фотографии здесь, дома?

– Разумеется. Где еще им быть. – Богдан подошел к шкафу и вынул фотоальбом в толстом бархатном переплете. – Здесь все.

Удивительно. Он не оставил фотографии в коробках, а поместил их в альбом. Кстати, соответствующий эпохе. Наверное, тяга к эстетике у них семейное. Даша раскрыла альбом. Большой пожелтевший снимок на плотном картоне. На снимке мужчина и женщина, такие молодые и такие счастливые, какими могут быть только молодожены. Она подняла глаза и вздрогнула. Из овального зеркала на противоположной стене комнаты на нее смотрели два очень похожих лица. Только они не были столь же беззаботными и счастливыми и совсем не походили на лица молодоженов. Даже несмотря на то, что сама она очень напоминала жениха с фотографии, а в лице Богдана без труда угадывались черты невесты. Последние сомнения отпали – сидящий рядом с ней человек –

плоть от плоти ее племянник.

– А ты думаешь, почему я тебя сразу узнал в аэропорту?
– Богдан с интересом следил за ее реакцией.

– Ты про сходство? – голос прозвучал глухо.

– А тебя оно разве не удивляет?

– Удивляет. Твоя прабабушка, действительно, была очень красивой. Я слышала, но не предполагала, что настолько... Ты знаешь, что с ней произошло?

– Нет. – Богдан смотрел на фото карими глазами с поволокой. Точно такими, что смотрели с фотографии на него.

– А как твой отец оказался на Украине?

– Не знаю. Эта коробка – все, что у меня есть.

– Плохо...

Даша перевернула страницу. Желтовато-коричневые снимки в резных рамочках. Мужчины в офицерских мундирах, их жены и дети... Кудрявые мальчики в шелковых рубашках, кудрявые девочки в бантах и панталонах с оборками. Не требовалось экспертизы, чтобы разглядеть и в офицерах, и в детях знакомые черты.

Сердце защемило. Стараясь не расплакаться, Даша осторожно вынула из уголков один из снимков. Статный юноша держит на руках прелестную девочку с капризным ртом, «Кока и Мусечка, 1913».

Трудно представить, что Кока – это ее дед, которого уже давно нет на свете, а Мусечка – старая изможденная болезнями женщина... Она вынула следующую фотографию – уже

знакомая красавица в облегающей шапочке. Призывно смотрит вверх, длинная шея красиво изогнута, полные губы четко очерчены. Даша перевернула снимок. «Галочка Новикова, Москва, 1931 год, „Летучая мышь“.

– Новикова – это ее девичьи фамилия?

– Не знаю. – Богдан кусал губы. – Это единственная фотография, подписанная полным именем. И поскольку я очень похож на нее, то предположил, что она, скорее всего, моя прабабка, вот и решил через Интернет попробовать поискать. С тех пор года два прошло, я уже и думать забыл. И вдруг сегодня ночью звонок.

Даша отложила альбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.